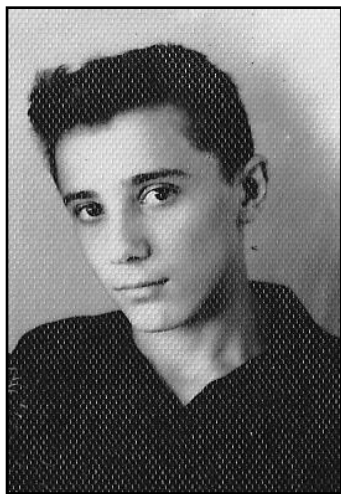

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Alvares

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Проза для детей

Волгодонск
2018

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений в 10 т. т.
4/2: Проза для детей / Александр
Владимирович Степанов. —
Волгодонск: Самиздат, 2018. — 232 с.

В четвёртом томе (вторая книга)
собрания сочинений собраны
прозаические произведения для детей,
публиковавшиеся в сборниках и
отдельных изданиях: *«Дедушкины стихи
и рассказы» 2015, «Школьные истории»,*
а также новые рассказы и сказки.

ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Рассказы из первого «а» класса

ПРЕДИСЛОВИЕ к книге «Рассказы из первого «а» класса»

Пусть читатели не обижаются на меня, но как-то уж непонятным образом получилось, что книга о первоклассниках из цикла «Школьные истории» вышла не первой, а второй. В принципе ничего страшного в этом нет, ведь можно и в третьем или, скажем, в пятом классе прочесть про первоклассников, вспомнить свою молодость: посмеяться над собой и друзьями или же наоборот — взгрустнуть: быстро,

мол, пролетают года. Ещё немного и прощай, школа.

В предисловии к третьей части «Рассказы из третьего «А» класса» я писал, что не все истории, рассказанные здесь, произошли с ребятами из одного единственного класса школы №15 г. Волгодонска. Вот и имена героев, учеников этого класса совпадают, да и внушка моя учится в нём.

Повторю, кто так подумает, тот непременно ошибётся. Есть кое-что и об этих учениках, но есть и совершенно о других. Кто-то из них живет и учится в городе, кто-то в деревне, да и живут они в разных концах нашей страны. Многие уже окончили школу, но большинство ещё учатся в самых разных первых, вторых, третьих или четвёртых «а» классах.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Завтра Вика идёт в первый класс. А сегодня она ходит за мамой и бабушкой по пятам и терзает их.

— Мама, а ты тоже ходила в первый класс?

— Ходила, дочка.

— А ты, бабушка?

— Конечно, Викуля. Все люди когда-нибудь ходили в первый класс.

— А у тебя была форма?

— Была.

— Красивая?

— Не было тогда у нас красивой формы. Жили мы бедно. Папа мой, твой прадедушка, с войны пришёл больным, работать не мог, а детей у него было много, пять человек. Всех надо было одеть, обуть да и накормить. Правда, хуже других мы никогда не ходили, но и о красоте как-то не думали. Вот у мамы твоей была уже красивая форма, но всё равно не в пример твоей. Сейчас

время другое. Всё у вас есть, учись только да ни о чём другом не думай.

– Бабушка, а ты хорошо училась?

– Хорошо, внучка. А мама твоя ещё лучше. Она и школу с медалью окончила.

– Я тоже буду хорошо учиться. И медаль я тоже хочу.

– Это не трудно, – сказала мама, – надо лишь стараться.

Вика ещё повертелась возле старших, потом пошла в свою комнату. Вот на спинке стула висит новенькая форма – беленькая блузка и синяя юбка. Раз десять, а, может, и больше примеряла её Вика до этого, вертелась перед зеркалом. А вот сегодня её трогать нельзя, потому что мама уже всё погладила, расправила, одним словом, приготовила к завтрашнему дню.

Приготовила она и бант. У Вики и раньше были банты. Но такого громадного и красивого ещё не было.

Бант капроновый и его можно подержать в руках. Он не мнётся.

Ранец тоже можно взять в руки и даже надеть его на плечи. Вика ещё два дня назад сложила в него учебники и тетради. Правда, мама сказала, что завтра ранец не понадобится, и понесёт Вика только букет. Он тоже стоит в Викиной комнате в высокой хрустальной вазе и так же, как хозяйка, ждёт завтрашнего дня. Ему, наверное, тоже нелегко. Ничего не делать – трудное занятие.

Вика ещё немного посидела в своей комнате и снова отправилась надоедать взрослым.

– Мама, а ты боялась идти в первый раз в школу?

– Не боялась, а волновалась.

– А ты, бабушка, волновалась?

– Нет, внученька, я боялась.

– А чего ты боялась?

– Бестолковая была, всего боялась. Ребятишек боялась, все ведь незнакомые. Учителей боялась,

думала, чужие люди, зачем я им нужна. Боялась, что порядки школьные не усвою. Ты вот уже читать умеешь, а я тёмная была, ни одной буквы не знала. Вот и боялась, что хуже всех успевать буду. Потом, конечно, поняла, что зря тряслась. Учителя оказались хорошими, добрыми. Ребятишки не обижали, со всеми подружилась. И буквы выучила, и читать научилась, и вообще до сих пор школу только добром поминаю.

— А вот я, бабушка, даже не знаю, то ли боюсь, то ли волнуюсь. Мне кажется, что я и боюсь, и волнуюсь.

Мама с бабушкой переглянулись и чуть ли в один голос воскликнули:

— Не волнуйся! Мы с тобой будем!

— Не бойся! Мы рядом будем!

Вика вздохнула.

– Бабушка, а директора ты тоже боялась?

– Да директор такой же учитель, чего его бояться. Его уважать надо и слушаться.

– Мама, а в нашей школе директор страшный?

– Вашего директора зовут Игорь Николаевич, по-моему, он очень хороший человек.

Утро первого сентября началось со звонка будильника. Все всполошились. И мама, и бабушка заохали, захлопотали, кинулись будить Вику. А та уже сама проснулась, подбежала к окну, выглянула в него и удивилась. На небе сверкало солнышко. Как будто оно тоже радовалось ребячьему празднику. А небо было таким синим, словно его кто-то специально раскрасил акварельными красками. На улице ещё было пустынно, и только самые нетерпеливые

ребятишки уже шагали в школу, держа перед собой огромные букеты.

– Мама, бабушка, – закричала Вика, – что же вы копаетесь? Я в школу опаздываю, люди уже идут с цветами. Мы будем последними.

Мама и бабушка долго наряжали Вику, потом сами вертелись перед

зеркалом, по очереди причёсывались, подкрашивались, поправляли пояски и воротнички.

Но, к счастью, всякие сборы когда-нибудь заканчиваются. Когда Вика с мамой и бабушкой подошли к школьному двору, там уже, казалось, собрался весь город. Все радостные, улыбающиеся, нарядные, красивые. И только первоклассники, когда их построили на линейке, казались немного смущёнными.

После линейки был первый урок, после которого Вика гордо шагала с мамой и бабушкой домой.

– Ну, как тебе школа, Викуля, –
спросила бабушка, – не боялась?

Вика засмеялась:

– А чего там бояться, бабушка?
Там же все ученики из нашего садика.
Только двое новеньких. А
учительница, Наталья Петровна, – это
же Толи Немцова мама.

ПЯТЁРКА

Вот уже пятый день Дима
Королёв ходит в первый класс.
Каждое утро по первому зову мамы
он подскакивает с кровати, делает
зарядку, чистит зубы, умывается, с
большим удовольствием уплетает
манную кашу, пьёт чай и натягивает
новенькую школьную форму.

Мама поторапливает Диму, но он и без того старается не только собраться, но ещё и рассказать маме про школьные новости. Правда он их и вчера рассказывал, но это Диму не останавливает, поскольку к вчерашним рассказам он добавляет новые подробности, благодаря которым старые новости становятся, с точки зрения Димы, веселее, интереснее и правдивее.

Но, в конце концов, всё закачивается. Все собираются и выходят на улицу, а там по тротуарчику и в школу. Мама доводит Диму до школьных дверей, целует в макушку, машет ему рукой и сбегает по ступенькам с крыльца, чтобы самой поторопиться в детский сад, где она работает воспитателем.

А вот сегодня, выйдя из подъезда, Дима столкнулся с соседом дядей Толей. Дима поздоровался и уже хотел было пробежать мимо, но дядя Толя притормозил его:

– Куда это ты, сосед, с утра пораньше?

– В школу, дядя Толя, – с гордостью ответил Дима.

– В школу? – удивился тот. – Это интересно. За пятёрками что ли?

– Нет, нам ещё оценки не ставят.

– Ну, это ты зря. Всем школьникам ставят оценки. Надо только уметь их зарабатывать. Смотри у меня, Дима, чтобы без пятёрки домой не возвращался. Я буду у подъезда стоять и домой тебя не пущу, пока пятёрку не покажешь. А пока беги, догоняй маму.

Дима догнал маму и тут же забыл о разговоре с дядей Толей. И на первом уроке он тоже не вспоминал о нём. А вот после второй перемены этот разговор всплыл в памяти как-то сам по себе.

«А вдруг дядя Толя не пошутил и не обманул? – подумал он. – А вдруг он и вправду будет ждать у

подъезда и потребует показать пятёрку. А где я её возьму, если первоклассникам не ставят отметки. Ладно, я ему тогда ещё раз скажу об этом».

Дима снова успокоился, и второй урок провёл спокойно, внимательно слушал Наталью Петровну, поднимал руку, отвечал на вопросы. Наталья Петровна даже три раза похвалила его. Первый раз за то, что он рассказал сказку о колобке, второй раз – за разгаданную загадку о зайце, а в третий раз она сказала: «Молодец, Дима, ты на уроке самый активный. Берите, ребята, с него пример, не стесняйтесь поднимать руку, когда знаете ответ на мой вопрос».

После второй перемены снова вспомнился дядя Толя: «Вот беда так беда. Где же я возьму пятёрку? А он, наверное, точно будет стоять возле подъезда. И мама на работе, не поможет. Надо было бы сразу

рассказать маме про этот разговор. Она смогла бы приструнить дядю Толю. Маму бы он побоялся, она взрослая и серьёзная».

С этой минуты Дима больше не забывал о дяде Толе: «И что ему от меня надо? Придумал же какую-то пятёрку». Он так долго отчаянно думал об этом, что у него разболелась голова, испортилось настроение, перед концом последнего урока на глаза стали наворачиваться слёзы.

Прозвенел звонок. Все стали собираться домой, выходить из класса, и только Дима, молча, сидел за партой и уже по-настоящему плакал.

Подошла Наталья Петровна, положила ему на голову руку и, заглянув в глаза, спросила:

– Что случилось, Дима? Не заболел ли?

Дима молчал и только потихонечку хлюпал носом.

– Дима, Дима, ты слышишь меня? Ты почему не идёшь домой.

Тут уж Дима не выдержал и заревел во всю мощь:

– Я боюсь.

– Кого ты боишься? Мальчишек?

– Нет, дядю Толю.

– Какого дядю Толю?

– Соседа.

– Почему? Что он тебе сделал?

– Ничего. Он сказал, чтобы я без пятёрки домой не приходил.

Наталья Петровна улыбнулась:

– Ох, Дима, Дима, он ведь подшутил над тобой, а ты и поверил. Взрослые нередко говорят так с маленькими.

– Нет, Наталья Петровна, он сказал, что будет ждать возле подъезда и не запустит меня домой без пятёрки.

Наталья Петровна снова погладила Диму по голове и сказала:

– Хорошо, я помогу тебе, Дима. Давай свою тетрадь. Сегодня ты очень хорошо работал на уроке, поднимал руку, правильно отвечал на мои вопросы, и поэтому заслуженно получил пятёрку.

Она раскрыла тетрадь и поставила на чистой странице жирную красную пятёрку и красивую подпись.

– Вот, держи, иди домой и никого не бойся.

Дима заулыбался, полюбовался на первую в своей жизни пятёрку, сунул тетрадь в сумку и побежал домой.

Дяди Толи возле подъезда не было. Дима даже обиделся, что тот не встречает его. «Какой он всё-таки обманщик, – подумал Дима. А ещё взрослый человек называется. А вдруг, он где-нибудь задержался, надо подождать, может, ещё и подойдёт».

Дима уселся на скамейку возле подъезда, достал тетрадь с пятёркой и

долго любовался на неё. В эти минуты он был самым счастливым человеком. Жалко только, что дядя Толя не встретил его.

БУКВА «О»

Наталья Петровна, как всегда, ходит возле доски, пишет на доске разные слова, объясняет нам, как пишутся буквы. Сегодня мы изучаем букву «о». Интересная эта буква. Похожа на всё сразу. Надо только немного пофантазировать и букву «о» можно найти в любом предмете.

Вот и Наталья Петровна спрашивает:

— А в каких словах, по-вашему, мы можем найти «о».

Все как один подняли руки, и я тоже поднял. Но меня почему-то не спросили, хотя другие называли

слова: «стол», «конь», «мох» и ещё какие-то. А Мишка Иванов выкрикнул:

— А я знаю слово с двумя «о» — «Кокос».

— Молодец, — похвалила его Наталья Петровна. — А может быть, кто-то из вас знает слово, в котором есть три буквы «о»?

Я начал соображать, перебирать разные слова, но почему-то ничего правильного на ум не приходило. Зато Карина сразу же сообщила и закричала:

— Я знаю, я знаю. Это «молоко», «молоко».

— Умница, — похвалила и её Наталья Петровна.

Но победителем оказалась всё-таки не она, а Юра. Он назвал слово, в котором было четыре «о» — «мостостроительство».

Даже Наталья Петровна удивилась, откуда, мол, ты знаешь такое мудрёное слово. А Юрка

ответил, что его папа работает в мостостроительном отряде. Его тоже похвалили. Мне как-то обидно стало, что всех хвалят, а меня даже не замечают. И тогда я тоже поднял руку и сказал, что букву «о» можно найти в любом предмете. Или почти в любом.

— Да, да, — подхватила Наталья Петровна, — я тоже хотела вам об этом рассказать, но как-то увлеклась другой темой. Итак, кто может назвать предметы, которые похожи на букву «о», или в которых она прячется?

И снова поднялся лес рук. Со всех сторон посыпались слова «бублик», «колесо», «руль». Кто-то сказал: «Цирк».

— Конечно, не цирк, — засмеялась Наталья Петровна, — а арена цирка. Ведь она круглая, как буква «о». Но всё равно вы все молодцы.

Прозвенел урок. Все вышли на улицу или в коридор, а у меня из-за

этой буквы «о» всё настроение пропало. «Надо же всех похвалили, а меня как будто в классе и не было, — думал я, и почему-то сердился на эту круглую и толстую букву, — подожди же, вспомнишь ещё меня».

Я сел за стол, достал спрятанный было учебник по чтению, раскрыл его, взял простой карандаш и на первой странице зачертил эту противную букву «о». Она стала грязной, серой и некрасивой.

— Получила? — позлорадствовал я, сейчас и другие получают.

Я сел за стол, придвинул учебник к себе поближе и начал зачерчивать остальные буквы «о». Я вошёл в азарт и не услышал, как прозвенел звонок, не заметил, как вошли в класс ребята, как пришла Наталья Петровна.

— Ты что делаешь? — толкнул меня в бок Мишка Селиванов.

Я захлопнул учебник:

— Да ничего.

– Как ничего! – возмутился Мишка, – я же видел, как ты что-то карандашом писал.

Я замялся:

– Это просто так, ерунда всякая.

– Какая такая ерунда? Раз не показываешь, значит не ерунда.

Мишка шипел так громко, что Наталья Петровна не выдержала и подошла к нам.

– Что это за шум у вас? Что не поделили?

– Вон, – завопил Мишка и указал на меня пальцем, – что-то пишет в книжке, а мне не показывает.

– А почему он должен тебе что-то показывать? – поинтересовалась Наталья Петровна.

– Так он же мне друг! – опять завопил Мишка.

– Другьям тоже не всё показывают, – спокойно ответила ему Наталья Петровна, – поэтому,

пожалуйста, успокойся. Потом она обратилась ко мне:

– А что же ты, интересно, в учебнике пишешь? По-моему, он не для этого предназначен.

Она взяла книгу в руки, открыла её, полистала страницы и сказала:

– Вот этого, Саша, я от тебя не ожидала. После уроков возьми чистый ластик и осторожно сотри свои художества. И чем же тебе буква «о» не угодила?

После уроков она снова задала этот же вопрос.

– А что меня ничего про букву «о» не спросили. Я руку тянул, тянул. И ничего. Всех хвалили, а меня нет.

– Да-а, – протянула Наталья Петровна, – конечно, тебе обидно стало. Но причём здесь, скажи мне, буква «о»? Ведь это я во всём виновата, а не она. Значит, не её надо было карандашом зачерчивать, а меня.

Я что-то промямлил в ответ, а потом быстренько уселся за стол и подчистил все испорченные мной странички. Наталья Петровна осмотрела учебник и разрешила идти домой. Когда я уже подошёл к двери, она неожиданно сказала:

– Да, Саша, в следующий раз мы будем изучать букву «с». Не обижайся на неё.

НЕ Я ШКАФ СЛОМАЛА

Карина с Настей поругались. Вообще-то они лучшие подруги, но тут как-то завелись из-за пустяка и уже полперемены не могут успокоиться.

– Ты бессовестная, – выпучив глаза, кричит Настя.

– А ты наглая, – в отместку подруге отвечает Карина.

— Я больше с тобой разговаривать не буду.

— А я с тобой тем более.

Казалось, на этом можно было бы и успокоиться, но не тут-то было. Карина схватила мел и написала на доске: «Дура», Настя тут же ответила: «Балда». Карина ещё что-то написала, Настя снова ответила. И продолжалось это до тех пор, пока не вмешалась Наталья Петровна.

— Вот так, девочки, я смотрю, вы исписали не только доску, но и двери, и стену в коридоре. Пусть ваши мамы приходят и моют их.

Вечером Каринина мама долго воспитывала дочь.

— Ты хоть поняла, что вела себя некрасиво?

— Поняла, мама, прости меня, я больше никогда так не сделаю.

Прошло три дня. Карина делала уроки, мама читала книгу, и в этот миг зазвонил телефон.

– Да, – ответила мама.

– Ольга Александровна, вы не сможете зайти к директору школы? Он сейчас проводит совещание с родителями по подготовке к новогодним праздникам.

– Хорошо, сейчас приду.

– Мам, а ты куда собралась? – заинтересовалась Карина.

– К директору школы вызывают.

– Тебя к директору?

Карина опешила от неожиданности, потом, опомнившись, чуть не плача закричала:

– Мама, мама, не верь никому. Это не я шкаф сломала.

ШИШКИ И ВИШЕНКИ

– Сегодня на уроке труда, – сказала Наталья Петровна, – мы будем работать с пластилином. Я хочу посмотреть, чему вы научились в

детском саду. Так что доставайте пластилин.

Первый «а» класс дружно полез в свои портфели, а Лёня спросил:

– Наталья Петровна, а что мы лепить будем?

– Что хотите и что умеете, – ответила учительница. – Одним словом, лепите на свободную тему.

– А можно две поделки?

– Можно.

– А можно мы с Олесей будем лепить одинаковые поделки?

– Пожалуйста.

Постепенно все успокоились и двадцать две головы склонились над столами, переминая пластилин на специальных досточках. Лишь две головы вертелись из стороны в сторону, видно, всё ещё не зная как приступить к выполнению задания.

– Ты что будешь лепить? – спросила первая белобрысая голова.

– Не знаю, – так же шёпотом
ответила вторая рыжая.

– А ты?

– Я, наверное, шишку.

– Какую такую шишку?

– Сосновую.

– А я тогда – вишенки.

– Тоже правильно. Их легко.

Через несколько минут первая
голова зашептала:

– Витька, Витька, смотри, я
уже сделал шишку.

И он показал свою поделку
соседу. Шишка была как настоящая.
Правильной формы и с
раскрывшимися чешуйками.

– Ну, Славка, ты даёшь! –
зашипел тот. – Как ты эти чешуйки
сделал?

– Ногтём.

– А я тоже заканчиваю. Вот,
смотри.

Вишенки представляли собой
два красных шарика, соединённых

коричневыми палочками, к которым сбоку прилепился зелёный листок.

Мальчишки похвалили друг друга и довольные собой стали снова вертеться из стороны в сторону.

Наталья Петровна медленно проходила по рядам, иногда останавливалась, чтобы сделать кому-то замечание или помочь в решении каких-то вопросов. Остановилась она и возле Вити со Славой.

— А мы уже закончили, — радостно сообщили мальчишки. — Вот наши поделки.

— Молодцы, — похвалила их Наталья Петровна. — Ребята, посмотрите, что сделали ваши друзья. Слава создал шишку, скорее всего, это сосновая шишка. Она уже созрела, семена из неё выпали и разлетелись по свету, чтобы весной прорасти и дать жизнь новому дереву. Помните стихотворение «Мишка косолапый по лесу идёт, шишки собирает, в кузовок кладёт». Будем считать, что это

первая шишка из мишкиного кузовка. А вот Витя у нас – сладкоежка, он решил, что вишенки вкуснее шишек и сделал лакомство. Их так и хочется положить в рот. Помните рассказ Льва Николаевича Толстого «Косточка», как мальчик съел вишенку, а косточку – за окошко.

Прошло много дней, и как-то Наталья Петровна снова предложила классу поработать с пластилином.

– Я думаю, что вы уже многому научились в школе, – сказала она, и сегодняшние ваши работы будут гораздо лучше, чем в прошлый раз. Работайте, творите, покажите, кто на что горазд.

– Витька, ты, что лепить будешь?

– Вишенки.

– Так ты их в прошлый раз лепил.

– А я больше ничего не умею.

– Тогда и я шишку.

Наталья Петровна, как обычно, ходила между столов, смотрела, как работают ребята.

— Молодец, Миша. Посмотрите, ребята, какого красивого скакуна он вылепил, у поэта Владимира Маяковского есть стихотворение, а в нём такие строки: «Что за лошадь, что за конь – горячей, чем огонь!» – А вот Даша создала целую скульптурную группу. Как ты назвала её?

— Во саду ли в огороде.

— Точнее не придумаешь. Вот фруктовые деревья, а это капуста, забор, хозяйка пропалывает грядки, хозяин навешивает калитку. Так, а чем нас порадуют Слава с Витей. Посмотрим, посмотрим. Что это, Витя? Опять вишенки?

— А они не такие, как в прошлый раз. Эти настоящие, с косточками. Я из бумаги косточки сделал, их теперь можно за окошко выкидывать.

Наталья Петровна только
руками развела:

– Ну и ну! Ладно уж Витя в
свои вишенки косточки вложил, а что
же ты,

Слава, вложил в свою шишку?

– Я – ничего.

– Так почему же ты снова
лепил шишку? Мог ведь что-то другое
придумать.

– А зачем? На прошлом уроке
вы сами сказали, что та шишка первая
в мишкин кузовок. А эта, значит,
будет второй.

НА ЁЛКЕ

Новый год – лучший праздник.
Все ждут его, готовятся к нему,
покупают подарки и разные
вкусности, готовят маски и костюмы.
Никто не хочет праздновать без ёлки,
гостей, ярких разноцветных огней,
музыки, одним словом, просто так.

Коля — первоклассник, но Новый год любит не меньше, чем какой-нибудь десятиклассник, а может даже и больше, потому что ему каждый год дарят на праздник целую кучу разных подарков. Колины родители считают, что ребёнка в такие дни надо немного баловать и покупают поэтому всё, что Коля попросит. Одна беда, дарить их они начнут только 1 января. Всё бы ничего, только ждать трудно. Когда родители на работе Коля иногда пытался найти подарки, но ничего стоящего из этого не выходило. В конце концов, он перестал искать их.

Сегодня 29 декабря и ждать надо еще целых три дня. Правда сегодня в их школе проводится новогодний маскарад. Утром в 11 часов — для учеников начальных классов, сразу после них — для средних классов, а вечером для старшеклассников. Коля один дома, он ждёт маму, которая должна на

несколько минут прибежать с работы, чтобы отвести его на утренник. Наконец, в прихожей хлопнула дверь, и мама с порога зашумела:

– Коленька, Коленька, быстрее одевайся, у меня времени в обрез.

По дороге она рассказала, что работы у неё непочатый край. Скорее всего, после праздника она его не встретит. Он уже большой и сможет сам дойти до дома, тем более что дом стоит в десяти шагах от школы.

– Телефон у тебя с собой? Если что не ясно, звони. Правда, я могу сразу не взять телефон. Запомни, если не возьму сразу, значит я на операции. (Колина мама работает операционной сестрой. Сегодня у неё дежурство, и дома она появится, скорее всего, не скоро.) Может быть, папа освободится пораньше, тогда он подойдёт. Ты, сынок, жди его дома.

– Не бойся, мама, что мне в первый раз.

У Коли был красивый костюм мушкетёра. Мама сшила ему голубой плащ и белую кружевную рубашку, а папа смастерил широкую шляпу и сделал чуть ли не настоящую шпагу. Мальчишки, глядя на Колин костюм, иззавидовались.

Наталья Петровна тоже похвалила его и родителей, которые постарались для своего сына. Время пролетело быстро, весело. Праздник удался на славу. Коле так понравилось на ёлке, что ни в какую не хотелось уходить. Но утренник закончился, и хочешь не хочешь все стали расходиться.

Коля тоже начал переодеваться. Но делал он это медленно, с неохотой. Наталья Петровна не выдержала и подошла к нему:

— Поторапливайся, Коля, сейчас уже начнётся вторая смена, а мы всё никак не освобождаем помещение.

– Да я и так стараюсь. Просто мне идти некуда, родители на работе и когда придут неизвестно. У мамы операция срочная, у папы – командировка. Наталья Петровна, – осенило вдруг его, – а можно я на вторую смену останусь? Я буду потихоньку в уголочке сидеть и никому не помешаю.

– Не знаю, Коля. Подожди немного, я спрошу у кого-нибудь.

Минут через пять она вернулась:

– Я договорилась с Александрой Дмитриевной. Она присмотрит за тобой. А ты, Коля, постарайся не подвести меня.

– Спасибо, Наталья Петровна, я буду потихонечку.

Вскоре зал заполнили старшие ученики, загремела музыка, ребятишки пели, водили хороводы, плясали, рассказывали стихи. Вместе с ними веселился и Коля. Никто особого внимания на него не обращал.

Правда, один раз подошёл к нему дежурный мальчик с красной повязкой на руке:

— А ты, малыш, что здесь делаешь?

— А я с Александрой Дмитриевной.

— А-а-а, — протянул мальчик, — тогда ладно, веселись.

Но, как обычно бывает, всё хорошее быстро заканчивается. Закончился и этот праздник. Коля переоделся и медленно побрёл домой. Дома, как он и предполагал, никого не было. Коля позвонил маме, та не ответила. «Значит на операции», — решил он, включил телевизор, достал из холодильника яблоко и, удобно устроившись на диване, стал ждать отца.

Время хотя и медленно, но всё-таки двигалось вперёд. «Ну вот, — подумал Коля, — всего через двадцать минут начнётся праздник для старшеклассников. У них, наверное,

будет ещё интереснее. – Он ещё немного подумал, – А схожу-ка я в школу, а вдруг и туда пустят. Пока родителей нет, немного отдохну».

Коля натянул пальтишко, захватил сумку с мушкетёрским костюмом и выскочил на улицу. Уже смеркалось, но до школы и вправду было несколько шагов ходьбы, поэтому уже через минуту он стоял в вестибюле перед дежурным мальчиком. Тот, поправляя красную повязку на рукаве, строго спросил:

– А ты, мальчик, куда?

– На праздник.

– У тебя уже был праздник.

– А я ещё хочу.

– Нельзя, нельзя, иди домой, тебе уже спать пора. И как это тебя родителипустили?

Коля попытался разжалобить дежурного:

– А их дома нет, они оба на работе, а мне одному страшно сидеть дома. Я ведь ещё маленький.

– По улице бегать, ты не маленький, а дома сидеть – маленький. Иди, давай отсюда.

Дежурный взял его за рукав и стал подталкивать к выходу. Коля вяло сопротивлялся и уже почти сдался, ведь, как известно, сила солону ломит, как вдруг увидел своего знакомого десятиклассника Мишу Петрова. Он живёт в их подъезде и при встрече с Колей нередко разговаривает с ним.

Коля обрадовался, вырвался из рук дежурного и подбежал к Мише:

– Миша, можно мне на ваш вечер? Я никому не буду мешать. Я посижу в уголке потихоньку. Честное пречестное.

Миша почесал в затылке:

– Ну что ж, заходи.

Коля от радости даже «спасибо» забыл сказать. Он кинулся в зал, где уже начиналось веселье и стал прикидывать, с чего бы начать

ему самому. Как вдруг, кто-то положил ему на плечо руку.

Коля резко обернулся, перед ним стоял директор школы Игорь Николаевич:

– Коля, ты как попал сюда?

– А я потихонечку, – начал было оправдываться тот, но директор перебил его:

– Собирайся и быстренько домой, там уже родители с ума сходят.

Коля тяжело вздохнул и медленно побрёл из зала. В вестибюле его встретил Миша:

– А ты почему не веселишься? Шагай в зал, не бойся никого.

Коля облегчённо вздохнул, повернулся и с широкой улыбкой пошёл назад.

И вновь к нему подошёл Игорь Николаевич. На этот раз, как показалось Коле, он говорил грозно:

– Марш домой, неслушник. Завтра я вызову твоих родителей в

школу и скажу, чтобы новогодние подарки тебе не дарили.

Коля немного испугался и на этот раз без задержек побежал домой. Мама с папой уже были дома и даже успели немного поволноваться.

– Да где же ты пропадал, мой мальчик? – целуя его, спросила мама.

– В школе. Хотел к старшеклассникам на вечер попасть.

– И что, – поинтересовался папа, – не пустили?

– Да как сказать... Всё у них там как-то не продумано. Мишка Петров говорит: «Заходи», а директор: «Выходи». Кого слушать – не понятно.

ШАПКА

Алёша Селиванов, ученик первого класса, был счастлив. Родители, вернувшись из города, привезли всем домочадцам подарки.

Бабушке – тёплые тапочки, брату Пете – ботинки, Машутке – красивое платье к Новому году, а ему – шапку. Он как увидел её, так и ахнул. Такой не было ни у кого: чёрная, высокая, мягкая, с большими лапками, которые можно связывать наверху завязками.

Он тут же надел её и стал вертеться перед зеркалом. Отец поглядел на Алёшу и поднял вверх большой палец:

– Настоящий мужик!

Мама взмахнула руками:

– Ой, какой же ты красивый, сыночек!

Бабушка тоже расчувствовалась:

– Вот хорошо-то как, теперь ушки не замёрзнут.

Брат Петя, который учится в четвёртом классе, попросил:

– Дай-ка примерить. Классная штука!

Алёша разволновался:

– Нет, Петька, не дам, растянешь ещё. У тебя голова вон какая большая. Я и сам ещё не носил.

А подбежавшей сестре, которой только-только исполнилось пять лет, сказал:

– А ты, Машутка, если хочешь, можешь померить.

– Хочу, хочу, – закричала та, прыгая от радости на месте и протягивая к шапке ручонки.

– Руками не трогай, а то мех помнёшь. Я сам тебе надену.

Он нахлобучил шапку на девчоночью головку и тут же снял её:

– Тебе – большая, подрасти сначала.

В школу он шёл не торопясь. Ему было интересно, смотрят ли на него прохожие, нравится ли им новенькая шапка. Ему казалось, что смотрят, а некоторые даже любят.

Из-за этого он немного припоздал в школу. Гардеробщица

тётя Катя, увидев его, стала поторапливать:

– Ты что опаздываешь? Поспешай, поспешай, сейчас звонок давать будут.

– Я сейчас, я быстро, – Алёша скинул куртку, повесил её на вешалку. – Тётя Катя, а куда мне шапку девать? Она у меня новая.

– А тоже на вешалку повесь. Она у тебя знатная, пусть другие посмотрят.

– А не утащат?

– Да ты что? Такую шапку не утащишь, она приметная. Да и я здесь буду.

В этот разговор вмешался звонок.

– Беги, Алёша, а то опоздаешь, быстрее, быстрее, – легонько подталкивала она его в спину.

А тот и сам, боясь опоздать в класс, рванул бегом по коридору.

Четыре урока пролетели незаметно.

– Так, ребята, – сказала Наталья Петровна, – можете потихоньку собираться. До свидания, до завтра.

Мальчишкам два раза повторять не надо. Топоча, как слоны, они ринулись в раздевалку. Вместе со всеми побежал и Алёша.

– А ну тише, огольцы, – заворчала на них тётя Катя, – вы же не на улице. Одевайтесь поскорее, не мешайте друг другу.

Алёша ловко просунул руки в рукава, застегнул на пальто пуговицы и только тут заметил, что шапки на вешалке нет. Он повертел головой из стороны в сторону, посмотрел туда-сюда, на пол, на одноклассников. Шапка, как сквозь землю, провалилась. Вместе с ней провалилась и Алёшкина душа. Он замер, как статуя, и заплакал горько и протяжно. Слёзы скатывались по щекам и падали на пол.

Подбежала испуганная тётя Катя:

– Лёша, что с тобой? Тебя обидели? – И тут она заметила, что он стоит без шапки. – Ты что, шапку потерял?

Тут уже Алёша заревел в полный голос.

– Ох, горе, вот беда, – вместе с ним запричитала и тётя Катя, – вот дура старая шапку не углядела, проворонила. Что же теперь будет?

Она ещё немного поохала, а потом рысью помчалась в учительскую. Через минуту вокруг Алёши собрались все свободные учителя, подошёл и директор Игорь Николаевич.

– Это безобразие, форменное безобразие, – грозным голосом заключил он. – А где вы хранили эту шапку? Он сурово посмотрел на тётю Катю.

– На вешалке, Игорь Николаевич. Я, дура старая, сама ему

подсказала, повесь, мол, шапку на вешалку, никто её не возьмёт, тем более, я и на минуту не отлучалась из гардероба. А видишь, нашёлся кто-то, меня облапошил.

— Значит, облапошил, — повторил за ней директор, — а вы, Екатерина Ивановна, с рабочего места ни на минуту не отлучались?

— Истинный Бог, Игорь Николаевич, — чуть не плача подтвердила она.

— А на какой вешалке висела шапка?

— Ох, пропасть, — снова запричитала старушка, — а я и не знаю, наверное, на той же, что и пальтишко. Не видела, не доглядела, закрутилась и не посмотрела.

— Ясно, — Игорь Николаевич повернулся к Алёше, — а ты, Лёша, помнишь, на какую вешалку повесил шапку?

Алёша ещё раз всхлипнул:

– На эту. – Он указал пальцем на ту вешалку, где висело пальто.

– А теперь покажи, как ты её вешал.

– А вот так. – Алёша не раз видел, как вешают шапки старшеклассники. Он поднял руку, и все поняли, что до верхнего крючка он ни за что бы не дотянулся, разве что только сильно подпрыгнув.

– Лёша, я думаю, – сказал директор, – ты свою шапку здесь не оставлял. Может быть, она где-то в другом месте?

– Не знаю, – чуть слышно проговорил он.

– Может быть, она осталась в классе?

– Не знаю...

– Что ж, идём в класс.

Игорь Николаевич шёл первым, за ним Алёша, тётя Катя и все учителя.

Как только они вошли в класс Алёша ахнул:

– Я вспомнил, вот же она. – Он
кинулся к парте, нагнулся и вытащил
из неё злополучную шапку. – Вот она,
– глазки его счастливо блестели, он
задышался от радости, вот она,
нашлась... новенькая... родненькая.

Он прижал её к груди и
неожиданно для себя и всех
остальных снова заплакал.

Рассказы из второго «а» класса

ЧАШКА

В школьной столовой, когда туда на обед пришёл второй «а» класс, стало шумно. Наталья Петровна даже прикрикнула на мальчишек. Но их это мало напугало. Они как шумели, так и продолжали шуметь. А потом кто-то толкнул кого-то, этот кто-то толкнул столик, и с него неожиданно для всех скатилась новенькая чашка, хлопнулась на пол и, рассыпавшись на мелкие осколки, осталась лежать среди лужицы чая. Все разом замолчали, даже девочки повскакали из-за столиков и прибежали посмотреть на то, что случилось. Даже Наталья Петровна растерялась и не знала, что делать в

этой ситуации. Прибежала тётя Фрося, заведующая столовой. Она вскинула руки, заахала, заохала, стала поднимать с пола осколки чашки.

– Вот, Наталья Петровна, – обратилась она к учительнице, – такого у нас ещё не было. Чашки-то новые, только-только завезли. Экое горе. Я думаю, если каждый хулиган по одной чашке разобьёт, то школа совсем без посуды останется.

Она сходила в подсобку, принесла швабру и стала вытирать пол, продолжая ворчать:

– Надо же второй класс, а уже разбойники. – И, спохватившись, громогласно добавила. – А ну, сознавайтесь, кто чашку разбил?

Все молчали. В дело вмешалась Наталья Петровна:

– Ребята, вы должны сознаться. Это вопиющий факт. Это чёрное пятно на нашем классе. Нельзя, чтобы из-за одного человека страдали все.

Класс молчал.

Наталья Петровна внимательно осмотрела всех и грозно сказала:

– Что ж, если вы не понимаете русского языка, я буду вынуждена наказать весь класс. С сегодняшнего дня мы с вами не друзья.

Она ещё что-то хотела добавить, но в это время раздался громкий чёткий мужской голос:

– А что это у вас за несчастье?

– Да вот, Михаил Михайлович, – тётя Фрося повела рукой в сторону мальчишек, – второклассники посуду бьют, а кто это делает, не говорят, молчат, как партизаны.

Михаил Михайлович – школьный завхоз, по-современному – заместитель директора школы по хозяйственной части. Именно он отвечает за ремонт здания, снабжение продуктами, мебелью, посудой, работу уборщиц, поваров, одним словом, он тот человек, на котором держится вся школа.

– Да, – сказал он, – это непорядок. Конечно, разбить чашку может любой человек, но ведь он и сознаться должен, если, конечно, он человек. А вы, как я понял, сознаваться не хотите. Что ж – это ваше дело. Наталья Петровна, – обратился он к учительнице, – вы разрешите мне как-нибудь побеседовать с ребятами на эту тему.

– А приходите в класс после уроков. У нас сегодня как раз классный час. Я думаю, ребятам будет интересно послушать вас.

– Когда я был такой же, как вы, – начал свой рассказ на классном часе Михаил Михайлович, – в нашей школе произошло ЧП – чрезвычайное происшествие. Кто-то разбил окно. Скорее всего, сделал он это не сознательно, а случайно. Как потом выяснилось, так оно и было. Но сознаться тот мальчик побоялся. И его можно было понять. Времена тогда были другие, стекло было в дефиците,

купить его было негде, а с разбитым окном зимовать, сами понимаете, нельзя. Вот и приходилось обращаться к родителям, чтобы они вставили стекло, а с чадом своим провели воспитательную работу. У некоторых родителей всё воспитание заключалось в подзатыльнике, а то и в ремне.

В то время в школе нашей работал завхоз Афанасий Петрович – добрейший и умнейший человек. Собрал он ребятишек и говорит им:

– Вы можете не сознаваться, но я определю, кто из вас виноват.

Он достал из кармана коробок со спичками и каждому из мальчишек дал по спичке.

– Зажмите спички в кулаках, – сказал он, – и бегите вокруг школы, да в кулак не заглядывайте. Когда прибежите, покажите спички мне. У кого она подрастёт, тот и виноват.

Все дружно побежали. Каждому было интересно узнать, что

произойдёт с его спичкой. Через минуту мальчишки были на месте. Афанасий Петрович подходил к каждому, брал спичку, внимательно смотрел на неё и молча укладывал назад в коробок. Последним прибежал мальчик по имени Коля. Он подал спичку. Афанасий Петрович взял её, положил в коробок и показал Коле. Тот взглянул в коробок и заплакал. Его спичка не подросла, а укоротилась, потому что мальчик, испугавшись, что его спичка подрастет, попросту обломал её.

— Дорогие друзья, — Михаил Михайлович улыбнулся, — мы ведь с вами не такие тёмные люди как те, что бегали со спичками. Вы-то, наверное, понимаете, что они не растут. Да и дело-то вовсе не в этом, а в уважении друг к другу. Подумайте, а я пойду.

Когда Михаил Михайлович вышел, Саша Сивашов поднял руку:

– Наталья Петровна, это я разбил чашку. Я завтра новую принесу.

– Молодец, Саша, что признался, ты смелый человек. А насчёт чашки ты поговори с тётей Феней. Хорошо?

– Хорошо. Я обязательно принесу чашку.

– А главное, не забудь извиниться.

– Не забуду, – уже почти совсем весело сказал Саша.

ДРЕВНИЙ МИР

Вовкин папа всегда рассказывает интересно. Вовке кажется, что он знает всё. Вчера вечером он долго рассказывал про историю и глухую старину: о древних людях, каменном веке, о разных войнах, чудесных открытиях и

изобретениях. Вовка слушал, разинув рот. Что-то осело в его памяти, что-то тут же забылось, а что-то перепуталось в его сознании и превратилось неизвестно во что.

Ночью ему снилась история. Старые башни сменялись старинными городами, повсюду ходили древние люди в звериных шкурах и лаптях. Они собирали корешки и охотились на мамонтов с каменным оружием.

На большой перемене второклассники тоже заговорили о старине. Вот тут-то Вовка и щегольнул своим знанием истории.

— Было время, — сказал он, — когда люди всё-всё делали из камня. Они жили тогда в каменных пещерах, мебель у них была каменная, посуда тоже каменная, оружие каменное, писали на камнях.

— Ну, это уж ты, Вовка, загнул. Что у них и компьютеры были каменные?

– А ты думал какие? – в запале крикнул Вовка. – Конечно, каменные.

Когда все засмеялись, засмеялся и он:

– Нет, конечно, компьютеров тогда, наверное, не было. А вот радио изобрели древние люди, попы какие-то.

Мальчишки опять засмеялись:

– Ерунда это, – сказал резко Миша, попы ничего не изобретали. Они только богу молились. Это всем известно.

Его поддержал Коля:

– И, правда, зачем попам это радио? Что они его в церкви слушали? Враки всё это.

Но Вовка не сдавался. Неизвестно чем бы закончилась эта перебранка, если бы не прозвенел звонок, и в класс не вошла Наталья Петровна.

– О чём это вы так горячо спорили? – поинтересовалась она.

– Да вон Сидоров говорит, что радио древние попы изобрели, – затараторил Мишка. – А я говорю, что попы ничего не изобретали, они только богу молились.

Наталья Петровна рассмеялась:

– Садись, Миша, напутали вы с Вовой много чего. Спорили вы, спорили, а оба оказались неправы. Радио изобрели не древние попы, а наш русский учёный Александр Сергеевич Попов. И было это не в древнем мире, а всего сто с небольшим лет назад. Конечно, это тоже давно, но не настолько. Ваши прапрадедушки и прапрабабушки вполне могли быть современниками этого великого человека и его не менее великого изобретения. Александр Сергеевич не был попом, он был инженером. Но и среди служителей церкви было немало выдающихся людей и великих учёных. Наталья Петровна ещё долго

рассказывала об этих учёных и их вкладе в развитие науки.

Когда Вовка пришёл домой, его встретила бабушка.

– А папа ещё не пришёл с работы?

– Нет, скоро придёт.

Бабушка помогла Вовке раздеться и приказала своим добрым голосом:

– Марш мыть руки и быстро за стол. Посмотри, какие вкусные блинчики я напекла.

Вовка вымыл руки, сел за стол и стал уплетать вкусные блинчики за обе щеки. Чтобы не терять понапрасну время, он рассказывал бабушке все школьные новости. Рассказал он и про Попова и про учёных попов, и про радио. Правда, про каменный компьютер почему-то промолчал. Но Мишку с Колькой он всё-таки покритиковал за их темноту:

– Ты знаешь, они вообще ничего не знают про древний мир. Я

им начинаю рассказывать, а они и слушать не хотят, носами вертят. А ведь если не слушать, то ничего и знать не будешь. Мне вон папа сколько интересных историй рассказал, я уже знаю про древний мир столько, сколько в нашем классе никто не знает. А вот ты, бабушка, мне почему-то ничего про древних не рассказываешь.

— Да я, внучек, и не знаю ничего такого, что папа рассказывает. Вот он с работы придёт, ты его и порасспрашивай.

— Он-то расскажет. Но мне всё равно интересно, как вы в старое время жили. Ну, например, ты видела динозавров или нет? Наверное, страшные были, ужась!

КТО САМЫЙ СКРОМНЫЙ?

Прозвенел звонок. Наталья Петровна терпеливо выждала, когда все ребята успокоятся, и сказала:

— Сегодня мы проведём классный час. Тема его, я думаю, вам понравится. Давайте поговорим о том, что отличает человека от животного, о тех качествах, которые присущи только людям.

— У человека хвоста нет, — выкрикнул с места Витя Иванов.

Другие ребяташки тоже зашумели:

— У человека шерсти нет.

— Животные на четырёх ногах ходят.

— Они в бане не моются.

— У них рук нет.

— Животные не разговаривают.

— Всё правильно, — сказала Наталья Петровна, — но я хочу поговорить немного о другом. Как,

по-вашему, есть ли у животных такое качество как прилежание.

– Нет, – закричали ребята.

– А у человека?

– Да!

– А кто в нашем классе самый прилежный?

– Маша, – хором выкрикнул класс.

– Правильно, – согласилась Наталья Петровна. – А теперь скажите, есть ли вежливые животные?

– Нет, – снова закричали ребята.

– А люди?

– Да!

– А кто в нашем классе самый вежливый?

– Женя.

– Наталья Петровна, – сказал Слава, – а есть и такое качество – находчивость. Вон, Витя вчера ножичек нашёл, а Карина тысячу нашла. Животные ведь ничего не находят.

– Нет, нет, ребята, – засмеялась Наталья Петровна, – то, о чём говорит Слава, называется везение. Вот Вите и Карине просто повезло, они нашли какие-то вещи. А находчивость – это свойство человека быстро соображать, находить выход из любой трудной ситуации, не лезть в карман за словом. Находчивым быть хорошо. А как вы думаете, есть ли на свете скромные животные?

– Нет!

– Правильно. Это чисто человеческое качество. Так, а кто в нашем классе самый скромный человек.

Не успел класс раскрыть рты, как с высоко вытянутой рукой выскочил вперёд Витя Иванов:

– Наталья Петровна, Наталья Петровна, я самый скромный, я, я, я!

Класс засмеялся. Наталья Петровна укоризненно покачала головой:

– Витя, скромные люди так о себе не говорят. Они ждут, когда их похвалят другие.

– Я знаю, – Витя опустил глаза, – просто я побоялся, что я уже не человек. У всех есть человеческие качества, а у меня только животные.

ПОДОРОЖНИК

Рано утром, когда я ещё не совсем проснулся, в спальню заглянула мама:

– Вставай, лежебока, дружок твой уже во дворе.

Вставать не хотелось:

– Какой там ещё дружок?

– Толик Опаркин. Поторапливайся. Он говорит, что по делу к тебе.

Толик – соседский мальчишка, он старше меня на два года и поэтому всегда верховодит. У него на дню

тысяча разных придумок. То надумает играть в какую-нибудь неизвестную мне игру, то затеет мастерить что-нибудь, то начнёт собираться в путешествие вокруг земли, то ещё что-то. Смотришь, день незаметно и пролетит.

Толик уже взрослый мальчик. Он перешёл в четвёртый класс, поэтому ему всё на свете известно.

Сегодня вид у него, как и всегда, был заговорщицкий и даже немного таинственный. Он отвёл меня в сторонку, чтобы моя мама не могла услышать.

– Ты знаешь, что я придумал?

– Нет, откуда.

– А вот смотри.

Он достал из кармана обрывок газеты.

– Читай, – он указал пальцем то место, где я должен был прочитать что-то, с его точки зрения, интересное.

«Районная аптека принимает от населения лист подорожника по цене 1 рубль за килограмм в неограниченном количестве», — прочёл я.

— Вот видишь, — громко зашипел Толик, — по рублю! Если хорошо поработать, можно набрать его неограниченное количество. Хоть сто килограммов. А это уже сто рублей. А если набрать тысячу, то получим тысячу рублей.

Тысяча — это здорово! Я недавно смотрел в магазине велосипеды. Взрослый стоит всего 80 рублей, а подростковый — 60. Сколько же всякого добра можно купить на тысячу!

— Куда это вы наострились? — поинтересовалась мама.

— Поиграем на полянке, — в один голос ответили мы.

А сами, захватив по большому мешку, отправились в ближайший лесок, где вдоль просёлочной дороги

рос тот самый так необходимый нам подорожник.

– Рви только листья, – сразу же предупредил Толик. – Да выбирай те, что покрупнее. Сухие тоже не бери. Их не принимают.

Я поглядел, а он уже рвёт листья.

– Вот хитрый, – подумал я, – хочет, наверное, набрать побольше.

Я тоже упал на колени и начал обрывать листья. Для начала я выбрал самый большой из них, ухватился, потянул, он не обрывается. Я потянул сильнее, а он сопротивляется. Глянул я, а в черешке листа нитки какие-то видны. Как их не дёргаешь, они не рвутся. С большим трудом я всё-таки победил их. Вижу, что и Толику не просто даётся каждый лист.

Минут через пять он проворчал:

– Ну, и листочки, то ли они нитками привязаны? Таких много не наберёшь. Надо было ножницы с собой взять. Жаль, что сразу не

догадались. Давай, посидим немного, отдохнём.

Мы присели на обочину, потом повалились на траве, поболтали о всякой всячине.

– Смотри-ка, солнце припекает, жарковато становится, – сказал Толик. – Может, домой пойдём? Каникулы длинные, ещё успеем подорожника набрать. Нас ведь никто не гонит.

И правда, никто нас не гнал, и вообще каникулы даются человеку не для того, чтобы он всякие там подорожники собирал, а чтобы отдыхать и набираться сил для нового учебного года.

ДЯДЯ ВОЛОДЯ

Серёжка гордится своим дядей. Во-первых, потому, что он работает киномехаником и всегда проводит его в кино бесплатно, а во-вторых, потому, что он самый высокий и

сильный во всём селе. Его уважает не только Серёжка, но и все его друзья и вообще все ребятишки, которые ходят в кино.

Дядя Володя уже отслужил в Армии. Иногда он рассказывал о службе и его с удовольствием слушали не только ребетня, но и взрослые. Да и как тут было не слушать. Он был танкистом и много знал о военной технике. А поскольку он был ещё и весёлым человеком, то и рассказывал всегда весело: с шутками и прибаутками. Пацаны за животики хватались, по земле катались от смеха. А Серёжку ещё больше гордость за дядю распирала.

Дядя Володя – это мамин брат. А ещё в его семье живут бабушка и старший брат Мишка. Он постарше Серёжи, правда, ненамного, но во всём старается держать верх.

– Как ты думаешь, кто старше, мама или дядя Володя? – спрашивает он Серёжу.

– Конечно, мама.

– Эх ты, мелюзга, – презрительно тянет брат, – запомни, дядя Володя.

– Почему? – начинает сомневаться Серёжа.

– Почему, почему, – передразнивает Мишка, – посмотри сам. Кто из них выше?

– Конечно, дядя Володя.

– Ну вот, оказывается, ты сам видишь. Раз выше, значит старше. Я же вот выше тебя. А почему? Потому что старше.

Конечно, сейчас Серёжку на мякине не проведёшь. Он уже понял, что рост и возраст между собой никак не связаны. Вот бабушка, например, старше всех в доме, а ростом не вышла. Серёжа за последнее время узнал немало и других премудростей, потому что он уже ходит в школу, во второй класс. И этим всё сказано.

Мама как-то сказала про него:

— Серёжа у нас молодец. Послушный мальчик и учится хорошо. Я посмотрю на него, прямо на глазах вырастет.

Сереже, конечно же, было очень приятно слушать такие лестные слова о себе. Он в душе поклялся никогда не огорчать маму, помогать ей и учиться только на пятёрки.

Вчера он, как и всегда, вернувшись из школы, переоделся, вымыл с мылом руки, съел несколько вкусных бабушкиных пирожков, запил молоком и сразу же сел за уроки. Мама была на работе, бабушка, чтобы не мешать ему, вышла на улицу и занялась какими-то делами по хозяйству, дядя Володя сидел в смежной комнате перед зеркалом и брился. У него намечалось какое-то мероприятие, поэтому он должен выглядеть безукоризненно.

Серёжа быстренько сделал задание по письму: переписал упражнение в тетрадь, подчеркнул в

каждом слове основу и окончания, отметил число, проверил ещё раз ошибки. Их не было.

– А что же по математике? – задал он вопрос сам себе. – Ага, задача № 215. Значит так: Автомобиль двигался по шоссе со скоростью 80 км/ч, затем он свернул на просёлочную дорогу и стал двигаться на 50 км/ч медленнее. После этого он выехал на трассу и стал двигаться на 30 км/ч быстрее. Какова конечная скорость автомобиля? – Серёжа рассмеялся. – Задача для первачей. Что тут неясного? Ехал со скоростью 80 километров, потом снизил скорость на 50 километров, потом снова прибавил скорость на тридцать, и снова получилось 80 километров в час.

Он стал записывать решение в тетрадь, а дядя Володя в это время уже побрился, надел свой костюм «на выход» и уже совсем собрался

уходить. И именно в этот момент какое-то сомнение в своей правоте посетило Серёжу.

— Дядя Володя, а как ты думаешь, я правильно решил задачу?

Дядя Володя подошёл к столу, заглянул в тетрадь, потрепал Серёжу по волосам:

— Конечно, правильно. Кто бы сомневался.

Серёжа тоже больше не сомневался. А зря! На уроке математики Наталья Петровна спросила:

— Кто не смог решить задачу? Все справились? Молодцы.

— Да что там было решать? Легкота одна, — высказался Серёжа, — ехал восемьдесят километров и потом поехал с такой же скоростью.

— Что-то я не поняла, дай-ка свою тетрадь, Серёжа. — Наталья Петровна заглянула в неё, покачала головой. — А ведь ты, Серёжа, решил задачу не правильно.

Серёжа покраснел как рак в кипятке:

— Нет, правильно. Дядя Володя сказал, что правильно.

Наталья Петровна улыбнулась:

— Хорошо, хорошо, не будем спорить, иди-ка лучше к доске, сейчас мы вместе решим её.

Задачу он решил мигом. Наталья Петровна даже похвалила его.

Дома Серёжа рассказал всю эту историю маме. А мама за ужином спросила дядю Володю:

— Расскажи-ка брат, как ты помогал племяннику решать задачу?

— Когда? — удивился тот.

— Вчера.

— Вчера? — переспросил дядя. — Вчера я никому не помогал.

— Но ты же мне сказал: «Конечно, правильно», — вмешался в разговор Серёжа.

— Ах, ты вот о чём, — рассмеялся дядя Володя, — и верно,

так я говорил. А знаешь почему? Да потому, что ты мальчик умненький и щелкаешь задачки, как белка орешки. Я знал, что ты и сам справишься, без нянек и репетиторов. Ну, а если когда ошибёшься, то это, поверь, племяш, не беда, умные на ошибках учатся.

Эту последнюю фразу Серёжа запомнил намертво, но вот понять её никак не мог. Однажды он всё-таки спросил дядю Володю:

- Вот ты говоришь, что умные учатся на ошибках. А дураки тогда на чём учатся?

Дядя Володя засмеялся, потрепал Серёжу по волосам:

- А дураки, племяш, учатся по учебникам.

- Как так? – ум у Серёжи встал на раскоряку.

- Я сам не знаю, Серёжа, - уже серьёзно ответил дядя Володя, - но от стариков слышал, кто больше шишек по жизни набивает, тот умнее становится.

Рассказы из третьего «а» класса

ЖАЛОБА

Третий «а» класс возвращался из столовой. Мальчишки, как всегда, промчались, сломя голову, вперёд, девчонки шагали не торопясь. Лица их выражали крайнюю степень недовольства.

– Девочки, – оглядывая подруг, сказала Катя, – это же не честно. Нас всё время обманывают. Кормят, как лошадей.

– Конечно, обманывают, – поддержали её подруги.

– Каждый день дают одно и то же – овсянку да гречку. Никогда ничего вкусного не варят.

– Эта каша уже в горло не лезет.

– Да у нас никто кашу не любит...

– Ни один человек.

– Нет, Артём ест.

– Да он всё, что хочешь, съест.

– Он всегда голодный.

С каждой минутой их голоса усиливались, глаза блестели оживлённее, на щеках кое у кого появился румянец, а у Кати даже пот выступил на лбу. Она кричала и возмущалась громче всех. Остальные девочки старались не отставать от неё.

– Я думаю, девочки, – Катя подняла руку, успокаивая подруг. – Это повара во всем виноваты. Варят не то, что надо, а Наталья Петровна их боится. Ничего не говорит им.

– Правильно, Катя, давайте что-нибудь придумаем, чтобы наказать их.

– А что?

– Ну, например, завтра не станем есть эту противную кашу.

– Это не поможет. Повара только обрадуются, потому что им больше достанется.

– А давайте кашу испортим, выльем в неё чай.

– Ага, а булочку с чем есть?

Заговорщицы на минутку замолчали.

– А давайте, – предложила Карина, – на уроке подумаем, а после урока решим.

Согласились все. Тут же раздался звонок. Девчонки с трудом пережили урок. На следующей перемене они столпились возле Катиной парты. Говорили наперебой, высказывали свои предложения, спорили и всё не могли найти правильного решения. Наконец вновь высказалась рассудительная Карина:

– А давайте, девочки, напишем жалобу. Пусть знают, как надо нас кормить.

Это предложение понравилось всем. Катя вырвала из тетради листок, взяла ручку и скомандовала:

– Диктуйте.

К концу перемены жалоба была готова. Катя громко прочла её, все остались довольны. Олеся даже захлопала в ладоши. Теперь возник новый вопрос: кому отдать эту жалобу. Мнения разделились. Вика предлагала вручить её Наталье Петровне, Соня – родителям. Тут снова вмешалась рассудительная Карина:

– А давайте отнесём её поварам. Это они ведь кормят нас неправильно. Пусть знают, что не всем их каша нравится.

И снова Каринино предложение понравилось девчонкам. И уже на следующей перемене делегация из трёх человек

отправилась в столовую и вручила письменную жалобу повару тёте Клаве. Та прочитала её, и ни слова не говоря, пошла с этой бумагой к директору школы.

– Вот, Игорь Николаевич, до чего мы дожили, жалобы на нас пишут.

– Да вы успокойтесь, Клавдия Семёновна, сейчас во всём разберёмся. Кто бы это мог?

Он взял листок, развернул его, пробежал глазами по написанному детской рукой тексту, и громко рассмеялся:

– Ха-ха-ха... вот так молодцы, жалобу на вас и вам же вручили, ха-ха-ха.... Ну, разбойники, потешили, так потешили. Ладно, Клавдия Семёновна, я разберусь с ними. А вы не волнуйтесь, идите, работайте. На вашем посту – как на передовой, не знаешь, откуда неприятель наступление начнёт.

Игорь Николаевич проводил повара, сел за стол, придвинул к себе бумажку и вновь уже внимательно прочитал этот удивительный документ.

«Жалоба. Мы, ученики 3-го «а» класса жалуемся на поваров. Они все хорошие, но кормят нас невкусно. Каждый день варят нам каши, делают котлеты и гуляш. Нам это не нравится, этим нас и дома кормят. Мы хотим, чтобы нам варили сосиски или сардельки. А ещё мы хотим картофельные чипсы и газированную воду. А булочки нам дают вкусные, мы ничего против них не имеем».

Директор посидел несколько секунд в задумчивости, покачал головой, тяжело вздохнул и начал кому-то звонить по телефону.

ДИМКИН ТАЛАНТ

Воскресенье, выходной.
Сегодня можно подольше поспать, но как всегда, когда можно спать, спать не хочется. А вот в будний день, когда надо идти в школу, глаза сами закрываются. Каждое утро Димка канючит у мамы, хотя бы ещё одну минутку полежать в постели. А вот сегодня, когда спи — не хочу, и вправду не хочется.

С улицы зашёл отец.

— Лежишь, лежебока? А там уже зима, снег выпал.

Димка, как угорелый, кинулся к окну. И правда, вся улица утопала в снежном океане, а с неба всё падали белоснежные хлопья.

— Красиво... — прошептал он. — Сказочно...

Димка пододвинул к окну стул, встал на него коленками, навалился на подоконник и снова стал любоваться буйством белого цвета. Снег сыпал и

сыпал, казалось, не будет ему ни конца, ни края. Казалось, что весь мир, а не только улица, становятся чище и светлее.

Димка чувствовал, что душа его начала петь и радоваться снежному празднику. Он и взаправду запел. А потом вдруг замолчал, схватил карандаш, какую-то книжку и прямо на ней написал стихотворение.

*И вот на улице зима,
а мы ещё сидим в квартире.
Мне нужно только два пима,
а Тобику – четыре.*

Надо сказать, что до этого дня Димка никогда не писал стихи, он даже не представлял, как это делается. Он даже никогда не читал стихи, кроме тех, что положено читать третьекласснику, он-то и заучивал их, когда задавали учить наизусть, с грехом пополам. А тут на тебе, и сам выбился в поэты.

Димка перечитал своё стихотворение. И надо же, понравилось. Попробовал писать дальше – не получается.

– Ладно, – сказал он сам себе, – после завтрака ещё попробую. Вот было бы здорово и в самом деле стать поэтом. Наталья Петровна с ума бы сошла от такого чуда. «Дима, – сказала бы она, – почитай нам свои стихотворения. Они у тебя не хуже, чем у самого Пушкина. Ребята, тише, давайте послушаем нашего родного поэта. То, что Дима прочтёт сейчас, вы должны выучить дома наизусть. Теперь мы будем учить только Димины стихи». А ребята запрыгали бы от радости, стали хвалить его. Владик незаметно от других сунул бы ему в руку новенький пистолет, который ему купили в городе, и который он никому не давал даже подержать. Витёк сыпанул бы ему в карман целую горсть жареных

семечек, а Вика отдала бы половину батончика «Марс».

Димке очень понравилась подобная перспектива.

– Правда, насчёт Пушкина я, кажется, перегнул. Ладно, пусть будет не хуже, чем у самого Лермонтова.

Он сел за стол и аккуратно переписал стихотворение в чистую тетрадь. Затем закрыл её и на обложке крупными печатными буквами вывел: «Мои стихотворения. Дмитрий Белов». Пока Димка мечтал, в комнату вошла мама.

– Хорошо, что ты уже встал, сейчас пойдём завтракать. Я сегодня пирог испекла с яблоками.

– А я, мама, стихотворение написал. Сам.

– Да ты что? – ахнула мама. Прямо сам?

– Ну, да, – небрежно ответил Димка. Без всяких подсказок.

– Вам это в школе задали?

– Нет, я же сказал, что сам.
Тебе прочитать?

– Конечно, сынок.

Димка, раскрыл тетрадь и громко «с выражением» прочёл:

*И вот на улице зима,
а мы ещё сидим в квартире.
Мне нужно только два пима,
а Тобику – четыре.*

Он умолк и внимательно посмотрел на мать.

– Вот умница, вот молодец, ты просто гений, ты самый лучший. После каждого восклицания следовал поцелуй в лоб, в нос, в губы, в щеки, в затылок. Димка не увёртывался от поцелуев, как он обычно делал, а принимал их как заслуженную награду. Наконец, мама совладала с собой и, схватив Димкину тетрадку, выскочила из комнаты.

Через минуту к нему зашёл отец. Он улыбался и широко разводил руки.

— Ну, Дмитрий, ты просто потряс меня. Ты, я чувствую, действительно будешь великим человеком.

Отец крепко пожал Димке руку, а потом ещё крепче прижал к груди. Димка был счастлив. Ещё бы, пережить такой звёздный час удаётся не каждому.

После завтрака с яблочным пирогом он снова сел за стол, взял карандаш, придвинул тетрадь для черновиков и стал думать. «О зиме я уже написал. А о чём бы ещё сочинить? О школе? Ну, её! О Тобике? Про него уже сказано. О небе? О звёздах, о войне? Лезет же в голову какая-то дрянь».

Постепенно он пришёл в какое-то дремотное состояние, когда ни плохие, ни хорошие мысли уже не

приходили в голову, когда не хотелось ни писать, ни читать.

В комнату заглянула мать.

— Дима, к тебе Витёк пришёл.

— Пусть проходит.

— Ты чего в комнате сидишь? — вместо приветствия спросил Витёк. — На улице вон какая благодать. Можно в снежки играть, бабу лепить, а можно и в войнушку. А то и просто пошарашиться по улице.

— Мне, некогда, я вон стихи пишу, — небрежно ответил Димка.

— Чего? — выпучил от удивления глаза Витёк. — Ты чё с роликов съехал?

— Да нет. Лучше послушай. Это я сегодня написал.

*И вот на улице зима,
а мы ещё сидим в квартире.
Мне нужно только два тима,
а Тобику — четыре.*

– Вот это да, – ошарашенно протянул Витёк. – Ну, ты даёшь...

– А сейчас я над другими стихами работаю. Мне надо многое успеть сделать. Я, может быть, даже книгу напишу. Когда-нибудь.

На другой день с утра весь класс знал о Димкином даровании. Он раз пять читал своё стихотворение то одному любителю поэзии, то другому. Девочки рассказали обо всём Наталье Петровне, и та тоже попросила Димку прочесть стихотворение. Она внимательно прослушала и сказала:

– Что ж, Дима, пятёрку по чтению ты заслужил.

И вывела её красными чернилами в дневнике.

После школы Димка долго сидел над тетрадью. Он задирает голову к потолку, щурит глаза, тяжело вздыхал, наморщивал лоб, стучал кулаком по голове – ни одна поэтическая строка не приходила на ум.

Мама сочувственно спросила:

– Ты над стихами сидишь?

– Да, да, – быстро ответил Димка, и сделал вид, что он полностью погружен в процесс творчества.

Утром весь класс уже был на месте.

– Дима, мы ждём новые стихи, читай скорее. Нам про Тобика так понравились.

Девчонки теребили его за куртку, мальчишки шлёпали по спине. Витёк, как первооткрыватель Димкиного таланта, обнял его за плечи.

– Не мешайте, черти, дайте ему отдышаться, вы что думаете стихи писать – это готовые песни петь или танцульки танцевать. Тут, милые мои, головой думать надо. – Он пошевелил пятернёй над своей головой, – извилинами надо шевелить.

Димка, не глядя на друзей, тихонько, как мышка, проскользнул к

своей парте, сел за неё и, покраснев, как пионерский галстук, чуть слышно пробормотал:

— Я не писал вчера, у меня вдохновенья не было.

ЗАЯЦ ТОСЬКА

На большой перемене к Сашке подошла девочка из восьмого класса.

— Саша, — сказала она, — ты же знаешь, что у нас есть драматический кружок. Мы собрались поставить к Дню Победы пьесу про пионера-героя Лёню Голикова, про его детство. В кружке все мальчики большие, а нам нужен такой, как ты, поменьше. Мы посмотрели фотки Лёни Голикова и решили, что он похож на тебя, или, вернее, ты на него. Не хочешь стать артистом?

– Нет, – замахал руками
Сашка. Я боюсь.

– Девочка засмеялась:

– Не бойся, мы тебя не обидим
и поможем во всём.

Роль была небольшая, но
Сашке понравилась. Он чувствовал
себя героем и выступал на школьной
сцене с удовольствием. Ходил он в
шортиках, белой рубашке, а на шее
был повязан настоящий пионерский
галстук.

Когда Лена (это та самая
девочка из восьмого класса)
повязывала ему галстук, она
прочитала стихи:

*«Как повяжешь галстук,
береги его,
он ведь с красным знаменем
цвета одного...»*

Сашке стихи понравились и
сразу же запомнились. Сразу же
запомнились и слова роли Лени

Голикова. Все говорили, что Саша настоящий артист, мальчишки из их класса завидовали ему чёрной завистью.

Правда, всё это было давно, ещё во втором классе. Именно тогда он и выступил перед ветеранами Великой Отечественной войны, которых пригласили в школу для чествования в День Победы.

С той поры Сашку больше не звали в школьный кружок, хотя играть на сцене ему очень хотелось. Но вот однажды примерно за месяц до Новогодних праздников Наталья Петровна сказала в классе:

— А нашего Сашу вновь приглашают в драматический кружок. Кружковцы собираются удивить всю школу новогодним спектаклем. Саша в нем будет, если, конечно, захочет, играть какую-то важную роль.

— Какую, какую? — закричали ребята.

– Тише, тише. Я сама не знаю, они никому ничего не говорят. Так что, Саша, ты можешь после уроков пройти в актовый зал. Там тебя встретят и всё подробно расскажут.

Лучше бы Наталья Петровна ничего не говорила! Лучше бы Сашка до последней минуты не знал об этом приглашении. Ни на уроках, ни на переменах он не находил себе покоя. Недаром говорят, что ждать и догонять – это самое трудное дело.

Но, как бы там ни было, уроки всё же закончились. Сашка, схватив сумку с учебниками, кинулся в актовый зал. Здесь его уже ждали. Руководитель кружка Анна Павловна, увидев Сашку, радостно воскликнула:

– Вот и герой наш пришёл! Девочки, все ко мне, давайте обсудим план действий, окончательно закрепим роли.

Сашка был очень доволен приёмом.

– Раз Анна Павловна назвала его героем, – подумал он, – значит, и роль ему дадут самую героическую, какого-нибудь разведчика или командира, на худой конец Бэтмана или Человека-паука.

– Итак, – оборвала Сашкины мечтания Анна Павловна, спектакль наш будет называться «Приключения Тоськи в Новогоднюю ночь». Тоська – это маленький зайчик, непомерный трусишка и врунишка, который по мере развития сюжета будет храбреть и становиться честнее. Играть его, мы пригласили Сашу, которого все хорошо знаем и любим. Ну, как, Саша, сумеешь вывести Тоську в люди?

Сашка ожидал чего угодно, только не этого. Он покраснел, вспотел, язык отказался служить в нужную минуту. Сашка хлопал глазами и упорно молчал. Где-то в глубине души стали зарождаться слёзы. Они медленно, но верно

поднимались к глазам. Ещё минута и Сашка заревел бы от обиды и, как ему казалось, унижения. Но именно в этот момент язык его вышел из ступора и заговорил.

– Я не хочу Тоську.

– Это ты зря, Саша. Тоська – главный герой, и мы думаем, что лучше тебя с этой ролью никто не справится.

– Саша, Саша, – защебетали вокруг него девчонки, – соглашайся. Это очень интересный и весёлый спектакль. Мы все будем тебе помогать. Настоящие артисты играют и зверей, и демонов, и разбойников, и вообще всяких нехороших людей.

– Я лучше бы был плохим человеком.

– А вот это, Сашенька, нельзя. Плохой человек, он же – Бармалей, у нас есть, вон – посмотри.

И Анна Павловна указала на стоящего поодаль мальчика из десятого класса: высокого и крепкого.

Сашка хорошо знал его, он был братом Насти из их класса. Да, действительно, такой Бармалей хоть кого напугает. Сашка в сравнении с ним и есть зайчик Тоська.

– Ладно, – сказал он, – буду играть зайца.

А сам подумал: «Надо в классе никому не говорить, а то засмеют».

На репетициях всё шло своим чередом. Сашка выучил слова, научился исполнять различные трюки: скакать, прыгать, кувыркаться. Всё у него получалось. Единственное, от чего он отказался наотрез, было пение. По ходу действия Тоська должен приплясывать и петь песенку зайчонка. Как ни уговаривали его, как ни убеждали, петь он не захотел.

– Хорошо, – сказала Анна Павловна, – можешь не петь. Просто расскажешь песню как стихотворение. Хотя, конечно, без песни спектакль теряет чуточку обаяния. Но, как

говорится и «ах», и «ох» и ничего не поделаешь.

В ночь перед премьерой Сашка почти не спал. Больше всего его мучила мысль о том, что скажут мальчишки, узнав его в образе зайчонка. Посмеются, конечно, может, и дразнить будут зайцем или Тоськой. Хорошо, хоть петь не надо, а то бы совсем пропал. Он даже представить не мог себя прыгающим и одновременно поющим зайцем.

На сцене за кулисами Сашка, как и все суетился, переодевался. Что-то терял, что-то находил. Он очень волновался, боялся забыть слова, пробовал повторять их. Но в это время кто-нибудь отвлекал его, и он забывал, что перед этим собирался делать.

Подошла Анна Павловна.

— Что, Тоська, уже дрожишь? Рано начал. Гляди, что я принесла тебе.

Она показала новенькую маску улыбающегося зайца.

– Так что, я в ней играть буду?

– Конечно. А что я тебе разве не говорила?

– Нет.

– Давай, я помогу надеть.

– Я сам.

Сашка натянул маску, и в этот момент с ним что-то произошло. Он вдруг ясно понял, что все волнения и переживания ушли прочь. Он стал свободным и счастливым.

Спектакль с первых же секунд пошёл по намеченному руслу. Сашка вытворял на сцене чудеса, скакал, вертелся, прыгал, веселился сам и веселил публику. А когда подошло время песенки, Сашка, ничуть не стесняясь, спел её громко и задорно так, что Анна Павловна даже немного прослезилась.

По окончании спектакля аплодисменты были настолько громкими, что некоторые девочки

даже затыкали пальцами уши. Но это мало кому помогало, потому что, забывшись, они сами начинали кричать и громко хлопать в ладоши.

На поклон артисты выходили по одному. Сашка вышел вторым или третьим. На призыв зала: «Тоська, Тоська», он снял маску и отыскал взглядом ребят из 3 «а» класса. Он увидел, что они аплодируют громче всех, и их лица выражают неподдельную радость.

ПРЫЖОК В ДЛИНУ

На уроке физкультуры Наталья Петровна сказала:

– Все ученики нашего класса, которые получают по физкультуре пятёрки за четверть поедут на районную спартакиаду учеников начальных классов. Каждый будет представлять одну какую-нибудь дисциплину. Кто-то станет прыгать в

длину, кто-то в высоту, другие будут бегать или бросать мяч на расстояние. Каждому найдётся занятие по желанию и умению. А начнём мы с прыжков в длину, подойдите поближе. Сейчас я расскажу, как надо правильно прыгать.

Весь класс заскакал от радости и быстренько сгрудился вокруг Натальи Петровны. Она стала что-то рассказывать, показывать. Все слушали, разинув рты, и внимательно смотрели на учительницу.

Один Никита как-то не проникся общим настроением. Он стоял в стороне, ничего не видя и не слыша. Он мечтал или, как говорят, витал в облаках: «Вот будет здорово, если я прыгну дальше всех. Тогда уж Наталья Петровна обязательно направит меня на спартакиаду. А если я и там стану первым, тогда меня повезут на областные соревнования, а если и там...— у Никитки аж дух захватило от такой перспективы, —

тогда на российские соревнования в Москву».

Первыми прыгали девочки. Наталья Петровна встала возле прыжковой ямы и скомандовала:

— Настя, на старт, подготовиться Оле.

Она сделала отмахку рукой и Настя, как пуля помчалась к яме. Толчок и она, смешно перебирая ногами в воздухе, улетела далеко от толчковой доски, упала и зарылась в песок.

— Молодец, Настя, — отметила Наталья Петровна, замерив рулеткой расстояние, — пятёрка. — Она сделала пометку в тетради. — Прыгает Оля, подготовиться Анжеле.

Девочки прыгали одна за другой, а Никитка смотрел на них и снисходительно улыбался.

«Детский сад, — думал он, — прыгают, как курицы на одном месте. Толкнуться толком не могут, всё дело ведь в том, как ты толкнешься. Надо

так ударить ногой о землю, чтобы она бедная два раза под ногой перевернулась вверх тормашками, надо пролететь над ней как ракета, низенько, со свистом и далеко-далеко и заваливаться надо не назад, как это девчонки делают, а обязательно вперёд. Ну, да я им покажу».

Он ещё бы помечтал о чём-нибудь приятном, но голос Натальи Петровны вернул его на землю.

– Никита, Никита, ты уснул что ли? Я уже пятый раз вызываю тебя. Прыгай же, наконец.

Никитка тряхнул головой, виновато улыбнулся:

– Сейчас, Наталья Петровна.

А сам подумал: «Сейчас увидите класс».

Он мчался быстрее ветра, на краю ямы отчаянно толкнулся, и полетел, стараясь поближе прижаться к земле, чтобы, не тратя понапрасну сил, лететь к рекорду. Удар. Никитка не успел опомниться, как хлопнулся

на песок и завалился назад, далеко выставив за спину руки. Он слышал, как засмеялись мальчишки, увидел, как улыбались девочки. Он прыгнул хуже всех.

– Что с тобой, Никита? – спросила, подходя к нему, Наталья Петровна. – Ты не здоров?

– Здоров.

Ему было стыдно и обидно. Ведь даже девочки оставили его далеко позади, все его планы о победе на спартакиаде рассыпались в пух и прах.

Домой Никитка пришёл убитый горем. Ужинать не стал, телевизор не смотрел. Он сел на диван и застыл, как статуя. Лишь иногда непрошенная слезинка стекала по щеке и капала на грудь.

Матери дома не было, а пришедший с работы отец, сразу обратил внимание на подавленное состояние сына. Он присел рядом:

– Рассказывай, что случилось?

– Ничего, – хотел отговориться Никитка.

Но отец не отставал:

– Рассказывай, не стесняйся. Я помогу тебе.

И Никитка рассказал: и про свои мечты, и про то, что он прыгнул хуже девчонок, и про то, как смеялись мальчишки, и про то, что никак не может понять, почему всё так получилось.

– Да, сын, – сказал папа, – ты всё сделал неправильно, поэтому и результат получился никудышный. Давай, я тебе расскажу, как надо было сделать. Ты ведь знаешь, что я служил артиллеристом, стрелял из пушки по целям. А цели эти находились порой очень далеко. И чтобы поразить их, надо точно рассчитать траекторию, или путь снаряда. Для этого необходимо расположить ствол орудия под правильным углом. Если задрать ствол прямо к небу, снаряд взлетит высоко и упадёт рядом с

пушкой, если опустить ближе к земле, снаряд, потеряв скорость, камнем упадёт вниз. А вот если ствол будет установлен не низко и не высоко, снаряд полетит очень далеко. Одним словом, для того, чтобы улететь далеко, надо прыгнуть высоко. В таком случае твои ноги – пушка, сам ты снаряд, а голова твоя – наводчик-артиллерист. Ну, а то, что ты рановато размечтался, – не беда. С возрастом это пройдёт, и тогда никто не будет смеяться над тобой.

На следующем уроке физкультуры Никитка подошёл к учителю:

– Наталья Петровна, можно я ещё раз прыгну в длину.

Та засмеялась:

– Что ж, я не против. Давай, постарайся.

Ребятишки собрались вокруг ямы, всем было интересно – получится у Никитки прыжок или он снова завалится, не пролетев и метра.

Наталья Петровна подняла руку, махнула:

– Давай, Никита, пошёл.

Никитка сорвался с места и, отчаянно молотя руками и ногами, побежал к краю ямы, толкнулся, взмыл в воздух и полетел. Он сам чувствовал, что летит, словно птица далеко-далеко. И радостно стало на душе у него, и счастье обволокло его с ног до головы. А когда Наталья Петровна замерила длину Никиткиного прыжка и сказала, что так далеко не улетал никто, весь класс закричал громко, как на параде:

– Ура-а-а ...!

– Молодец, Никита, – сказала Наталья Петровна. – Сегодня ты прыгал правильно.

– А мне папа рассказал, как надо прыгать.

– И папа твой молодец. Только вчера я всему классу рассказывала, как мастера прыгают в длину. Все ребята поняли эту науку, и всё у них

получилось. А вот ты почему-то не слышал моего объяснения. Да, ладно. Я очень рада, что ты понял свои ошибки. Вот теперь скажи, что самое главное в прыжках в длину?

— Я знаю, — потихоньку ответил Никитка, — самое главное, слушать на уроке учителя. А ещё, хочешь прыгнуть далеко — надо прыгать высоко.

— Правильно. А сейчас я расскажу вам о прыжках в высоту. Никита, ты где?

СЕНО ДЛЯ КОРОВЫ

Сегодня первый день зимних каникул. Лёнька ещё валялся в постели, когда родители ушли на работу. Перед уходом мама, целуя его, сказала:

— Завтрак на столе, обед в холодильнике. В обед дай сена корове.

Мама работала медсестрой в больнице, папа шофёром, так что появятся они дома не раньше позднего вечера. Лёнька повернулся на правый бок и попытался снова уснуть. Не получилось. Он повернулся на левый бок и снова попытался уснуть. Получилось ещё хуже, потому что ему начисто расхотелось спать. Он собирался опять повернуться на правый бок, но в это время в дверь кто-то постучал.

– Войдите!

Лёнька свесил голову с кровати, чтобы получше рассмотреть гостя. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и в неё бочком пролез Жорик – разлюбезный Лёнькин приятель.

– Ты что, Жорка, с ума сошёл, в такую рань появился. На улице ещё темно, хоть глаз коли. Я вон даже и вставать не думал.

Жорик шмыгнул носом, скинул большую лохматую шапку, положил

её на стул, сам сел рядом с ней и как будто нехотя проговорил:

– Да скучно одному дома сидеть. Родители на работе, телик сломался...

Лёнька хотел ещё позадавать вопросы Жорику, но передумал, потому что и ему одному уже становилось как-то не по себе, то есть скучновато. А поэтому в душе он очень обрадовался приходу Жорика.

– Раздевайся, сейчас завтракать будем.

– Да я уже ел.

– А ты ещё немного.

– Ну, если только немного.

Жорик мигом разделся и пошёл к умывальнику.

Лёнька остановил его:

– Брось эти девчоночьи привычки. Чего красоту смывать. Умываются только грязные, а мы чистые. Умные люди говорят, что от поганого не треснешь, а от чистого не воскреснешь.

— Это точно, — поддакнул Жорик, и оба, так и не умывшись, полезли за стол.

Мамины блины со сметаной, яйца вкрутую, кисель и холодная картошка исчезли в считанные минуты.

— Вот и хорошо, — сказал Лёнька, — теперь можно и делом заняться.

Вначале их делом были мультики по телевизору и «Ералаш», потом игра в шашки. В обычные шашки побеждал Лёнька, а в «Чапая» лучше играл Жорик. Лёнька очень расстраивался, когда Жорик сбивал с доски одну за другой его шашки. В конце концов, он оттолкнул доску на край стола.

— Ну, его, этого «Чапая», давай лучше в картишки.

— Давай.

Лёнька сдал, и они, сопя и что-то приговаривая, резались в карты, в какую-то только им известную игру.

Время летело быстро: одиннадцать, двенадцать, час.

Наконец Жорик бросил карты:

– Хватит, наверное, надо домой идти, что-то я проголодался.

– Брось, Жорка, у меня полный холодильник еды. Сейчас пообедаем...

Они стали усаживаться за стол, как вдруг Лёнька ударил себя ладонью по лбу.

– Жо-орка, – протянул он, – мне же надо корову накормить.

– В чём проблема? Сена что ли дать? Да мы вдвоём за две минуты управимся.

Друзья накинули на себя пальтишки, сунули ноги в валенки и в одну секунду оказались на улице.

– Ого, – воскликнул Лёнька, – холодище-то какой, градусов тридцать, наверное.

– Ага, – подтвердил Жорик, – тридцать будет.

Они потопали ногами, похлопали руками и наперегонки бросились в огород, где стоял большущий стог сена. Лёнька добежал первым. Он схватил металлический крюк, которым обычно выдёргивают сено из стога, и попробовал работать им. Оказалось, что работа эта нелёгкая. Крюк легко заходил в стог, но сено оттуда не выдёргивалось. Сил у друзей не хватало.

— А давай, предложил Жорик, — залезем на стог, сверху кидать легче.

— Давай, — согласился Лёнька.

Друзья отбросили крюк и стали штурмом брать намеченную высоту. Они хватались руками за сено, упирались в стог ногами, но валенки скользили по намёрзшему сену, и все усилия друзей завершались ничем. Поднявшись на метр-два, они снова скатывались на снег.

– Нет, – сказал Лёнька, – так мы никогда не заберёмся. Была бы лестница...

– Да причём здесь лестница, – возмутился Жорик, – если бы валенки не скользили, мы вмиг бы забрались на стог. А знаешь что? Давай разуемся и босиком заберёмся наверх.

– Ты что, Жорка, дурак? А вдруг мы и вправду залезем на стог. Как мы будем на нём сено дёргать без валенок. Мы же в один миг околеем.

– Это точно, – подтвердил Жорик. Он помолчал немного, а потом радостно закричал. – А давай сначала на стог валенки закинем. А когда туда залезем, обуемся и не замёрзнем.

– Ну, ты молоток, Жорка. Разуваемся.

Они, не задумываясь, скинули обувь, разом закинули её на стог и одновременно кинулись на штурм огромной горы из сена. Вначале у них немного получилось, они резво

забрались по крутому склону метра на два или даже немного больше, но потом ноги снова начали скользить и друзья вверх тормашками попадали в снег. Они вновь и вновь пытались штурмовать вершину коровьего корма, но, увы, ничего путёвого из их затей не получилось. Через пять минут штурма заснеженного стога Жорик сказал:

– Лёнь, а у меня ноги отмёрзли.

– У меня тоже.

– А что будем делать?

– Бежать домой.

Дом, однако, их не ждал. На двери висел огромный замок.

– Лёнька, кто дверь закрыл?

– Я.

– Зачем?

– Не знаю.

– А ключ у тебя?

– У меня.

– Так открывай дверь.

– Не могу, у меня руки замёрзли.

Жорик распахнул пальтишко:

– Суй руку мне за пазуху, грей,
а то пропадём.

Лёнька сунул руку под пальто. Через минуту он почувствовал, что снова может шевелить пальцами. Забежав в дом, друзья попадали на пол и непослушными руками сорвали с себя заledenевшие носки. Они долго растирали заоченевшие ноги, грели их возле печи, пока не почувствовали в пальцах явление жизни. Их стало пощипывать, покалывать и, наконец, они разогрелись так, что тепло от них стало нагревать воздух в комнате.

– Да, – сказал Жорик, – а как же я без валенок домой пойду?

– А никак не пойдёшь. Нам ещё надо корову накормить.

– Я босиком не пойду, – запротестовал Жорик.

– Не ходи. Надевай мамины боты.

– Я девчоночьи обувки не надену.

— Надевай тогда папины валенки.

Они вышли на улицу. Мороз крепчал. Друзья понимали, что залезть на стог в такой обуви немыслимо.

— Пойдём, Жорка, к дяде Володе за лестницей.

— Так его, поди, дома нет.

— Дома. Он же киномеханик, а киномеханики только по ночам работают.

Дядя Володя и вправду был дома.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветствовал он гостей. — Каким ветром вас принесло?

Ну, ребяташки, конечно, всё и рассказали. Дядя Володя посмеялся немножко, а потом взял высоченную лестницу на плечо и зашагал вместе с ними на огород к стогу. Он приставил лестницу и скомандовал:

— Шагом марш за валенками.

Лёнька с Жоркой за одну минуту взобрались на стог, схватили свои пожитки и, как обезьяны, с такой же ловкостью и шустростью, скатились вниз. Как ни быстро они достали свои валенки, дядя Володя все же сумел за это время надёргать сена и дать его корове. Та стояла в хлеву, жевала душистое сено и с благодарностью смотрела на добрых людей. Она же не понимала кто из них истинный кормилец.

СКОРПИОН

Первое сентября — лучший день в школьной жизни. Промелькнули летние каникулы, отзвенели тёплые беззаботные денёчки, остались в воспоминаниях походы по лесам и горам, поездки к морю, отдых у бабушки и дедушки, школьные и приморские лагеря,

походы в театры, кино, библиотеки и, наконец, свобода — главное достижение любых каникул. Правда, чем ближе приближалось первое сентября, тем меньше хотелось свободы, тем больше мечталось о школе, занятиях, друзьях.

3 «а» класс собирался недалеко от входа в школу. Первая, как всегда, пришла Катя, за ней её подруга Женя, чуть позже и все остальные. Каждый вновь приходящий радостно приветствовался громким криком. А уж потом сыпались, как из рога изобилия, самые разные вопросы.

— Где был?

— Что делал?

— С кем встречался?

Филипп, оказывается, отдыхал с семьёй на Чёрном море. Внимание класса мигом переключилось на него.

— Ну, как там?

— Здорово?

— А это далеко?

И все в один голос:

– Филя, расскажи.

Филиппок поломался для вида, потом начал рассказывать

– Только не думайте, что Чёрное море на самом деле чёрное. Оно голубое или синее. Я целыми днями сидел в воде. Папа научил меня плавать, и я заплывал далеко-далеко, что и берега не было видно.

– Ну, это ты уже врёшь, Филя, – сказал Сашка. – Тебя родители, наверное, от себя и на шаг не отпускали.

– А вот и отпускали, отпускали.

– Ты, Филя, соврать правдиво не можешь. Сказал бы, что плавал вдоль берега, а то заплывал. Ты ещё скажи, что на дельфинах катался, первоклашки, может быть, и поверят.

А вот Юра отдыхал в детском лагере, но уже на Дальнем Востоке. И его тоже расспрашивали. И тоже не всему поверили.

– Да что же это такое. Не успеют от дома отъехать, так сразу же врать начинают.

Дениска был вне себя от подобного бесстыдства.

– Эй, Муратик, – закричал он, увидев подходящего к классу мальчишку, – давай быстрее. А ты ездил куда-нибудь летом?

– Да, – скромно ответил Муратик, – ездил.

– Куда?

– В Узбекистан. Там у меня дедушка с бабушкой живут и ещё много других родственников. Там город есть, Самарканд называется. Да я могу показать, у меня фотки есть.

– Ну, это потом. А сейчас расскажи, как там живут.

– Хорошо живут. Виноград, дыни, арбузы – всё есть.

– Да этого добра и у нас невпроворот. Звери какие-нибудь страшные водятся там?

– Водятся. Верблюды, ишаки...

– Муратик, я же тебе про страшных зверей

– Есть, конечно, и страшные. Змеи, например. Самая страшная – кобра. Она, если человека заметит, то от неё уже не убежишь. Всё равно догонит и укусит. А укус смертельный. Хотя лечи человека, хоть нет – конец один. Правда, их немного там, а вот скорпионов – на каждом шагу. Чуть зазевался, он кидается и вонзает иголку, которая у него на конце хвоста, в человека. Здесь тоже лечение не помогает.

– А большие эти самые скорпионы.

– Нет, не очень, примерно с палец длиной, а иголка на хвосте, чуть больше ногтя.

– И что он прямо насккивает на людей?

– Наскивает. Как только зажужит, жди скорпиона.

– Вот гад. Посмотреть бы на такого паразита хоть раз.

– А в чём дело? Я привёз одного, правда, он засушенный.

– Покажи. Муратик, покажи, – стали просить одноклассники наперебой.

– Как же я покажу, если он дома. Давайте я завтра принесу, и вы все посмотрите.

– Хорошо, Муратик, только не забудь.

– Не забуду. Сто пудов.

Муратик был обязательным человеком. Он ничего не забывал, любил порядок, твёрдо держал слово. На каждой перемене он рассказывал мальчишкам одну смешную историю, и сколько бы его не просили рассказать ещё одну, тот был непреклонен:

– Следующая история – на следующей перемене. Мы ведь договаривались с вами, что я буду рассказывать на каждой перемене только по одной.

На это возразить было нечего. Действительно, такой разговор состоялся ещё во втором классе. Мальчишки вздыхали и разбегались по своим делам. А следующая перемена снова начиналась с Муратиковой истории.

День пролетел быстро: линейка, классное собрание, расспросы родителей, тётушек, дядюшек, подарки от родителей и бабушек с дедушками. Потом чуть ли не до темна Дениска с приятелями гонял футбол. Когда ложился спать, вспомнил о скорпионе, представил его себе, да так ясно, что даже мурашки побежали по телу.

— Вот зверь, — подумал Дениска, — мало того, что прыгает, так ещё и верещит. Запугивает людей, значит.

Назавтра Муратик почему-то припозднился в школу. В класс зашёл одновременно с Натальей Петровной.

– Ты чего опоздал? – зашипел ему Дениска. – Скорпиона не забыл?

– Принес, принёс, – в ответ зашипел ему Муратик. – Сейчас из сумки достану.

Он повернулся к портфелю, расстегнул его и стал что-то доставать.

– Вот, – он повернулся к Дениске и передал ему небольшой бумажный пакетик, перевязанный ниткой. – Смотри.

Дениска взял скорпиона и начал потихоньку разворачивать пакетик. К нему вплотную приблизился Юрка, сидящий с ним за одним столом. Сзади вытянули шеи Витёк и Катя. Им тоже было интересно посмотреть засушенного скорпиона. Наталья Петровна что-то рассказывала классу, умолкала, записывала буквы и цифры на доске. В это время Мишка разворачивал бумагу. Когда же в классе на минуту воцарилась тишина, неожиданно,

разрывая бумагу, из пакетика со страшным жужжанием выпрыгнул скорпион. Он подлетел к Дениске, от него к Юрке и, наконец, набросился на Катю с Витей. Крик в четыре горла разорвал тишину.

– А-а-а, – громче всех кричал Дениска.

– А-а-а, – почти не уступая ему, визжали остальные любители скорпионов.

От неожиданности с мелом в руке застыла Наталья Петровна, весь класс в испуге дрожал.

Первой пришла в себя Наталья Петровна:

– Что с вами, ребята? Не бойтесь, скажите.

Дениска, бледный от страха, указывал трясущейся рукой под стол.

– Там, там...

– Что там?

– Там скорпион. Он живой, он летает и жужжит. Он чуть не покусал нас.

— Денис, откуда у нас возьмётся скорпион? Они живут только в пустынях. И вообще скорпионы не жужжат и не летают. Давай-ка посмотрим твоего скорпиона.

Она наклонилась и достала из-под стола самодельную игрушку. Это были две обыкновенные палочки, связанные тонкой резинкой. Чтобы палочки могли взлететь в воздух и жужжать, надо было сильно закрутить резинку, а затем резко отпустить её. Игрушка, словно живая, влетала вверх.

Класс засмеялся над Дениской и его товарищами по беде. Однако Наталья Петровна остановила их:

— Можете не смеяться. А кто из вас в такой ситуации не испугался бы? Молчите? Бояться не стыдно, стыдно ставить человека в такое положение, чтобы он испытал страх. Особенно, если этот страх ни кому не нужен.

ПЕСНЯ ПРО МАРШАЛА

Уроки пения в третьем «а» классе были ужасно скучные. В крайнем случае, все мальчишки считали так. А всё дело в том, что песни, которые они разучивали и пели на уроках, девчоночьи. То про восьмое марта, то про улыбку, то про каких-то зверят. В общем, чушь какая-то. Ни одной приличной песни за два года обучения не разучили.

Хорошо, на помощь классу пришёл Сашкин дедушка. Он ветеран, и однажды Наталья Петровна пригласила его в класс на встречу. Он много чего рассказал интересного. Например, про двойку по пению. Оказывается и тогда на уроках пели в основном девчоночьи песни. Как-то их учительница стала вызывать мальчишек к доске и заставлять их петь одну из таких песен. Мальчишки упёрлись, и никто из них даже рта не раскрыл. Им, конечно, всем

поставили по двойке. В том числе и дедушке.

Учительница была молоденькой, сама испугалась, что наставила за один урок столько двоек. Сбегала она за директором. Тот был очень строгий, но справедливый. Он и на фронте воевал, и вообще долго служил в армии. А когда вернулся домой с войны, окончил институт и стал директором.

Он зашёл в класс, усадил девчонок, а мальчишек оставил стоять.

— Так, молодые люди, — спросил он, — петь не умеете или не хотите?

Класс молчал.

— Хорошо, — снова сказал директор, — давайте я с вами спою. Какую песню хотите, выбирайте.

— Про красного маршала, — закричали мальчишки.

— Что ж хорошая, достойная песня.

И, обращаясь к учительнице, добавил:

– Разучите с классом эту песню и на каждом уроке пойте её хотя бы один раз.

С той поры все мальчишки с удовольствием пели, и уже никто не получал двойки по пению.

Третий «а» уговорил Сашкиного дедушку спеть для них. Он спел. Мальчишкам это так понравилось, что все стали просить Наталью Петровну разучить эту песню и петь её всем классом.

Наталья Петровна сначала отнекивалась, но потом согласилась. На уроке музыки она продиктовала слова и попросила к следующему разу выучить их. Песня была классной.

*Рано, рано утром на парад
вышли по команде тысячи солдат.
Все они герои – молодцы,*

*армии Российской они бойцы.
На Кремлёвской башне десять
бьёт,
выезжает маршал из ворот.
На груди сверкают ордена,
любит его, знает вся страна.
Было очень тихо здесь с утра,
а теперь несётся громкое «Ура!»
Маршал объезжает строй солдат,
красные знамёна огнём горят.*

Девчонкам, конечно, песня не понравилась. Да что с них возьмёшь! Им бы тряпочки да куколки, да песенки про цветочки да кошечек. Им и в голову не придёт, что где-то идёт война, что солдаты идут в атаку, укрываются в окопах, взрывают вражеские танки, поют на привале военные песни. Скучный они народ эти девчонки.

На следующем уроке музыки Наталья Петровна спросила:

— Выучили слова? Если «да», давайте попробуем спеть.

Она подняла руки, как это делают дирижёры, взмахнула ими, и сама запела, приглашая класс следовать её примеру. Потихоньку помаленьку запел и класс. Сначала невпопад, потом всё слаженнее и гармоничнее. Наталья Петровна уже улыбалась от удовольствия. Что ни говори, а все-таки приятно видеть и слышать плоды своих трудов. Скорее всего, из-за такого благодушного расположения она и не заметила, как ближе к концу песни, мальчишки начали переглядываться, энергично взмахивать руками и усиливать громкость пения.

*Было очень тихо здесь с утра,
а теперь несётся громкое «Ура!».*

- Урраа! Урррааа!!
Урррраааа!!!

Мальчишки закричали громко и раскатисто, они орали, вскакивали на ноги, топали ими, стреляли из

невидимых автоматов и снова кричали «Уррааа!» Это продолжалось довольно долго. Девчонки уже давно замолчали и сидели, зажав ладонями уши.

Наталья Петровна, подождала ещё немного, похлопала в ладоши.

— А теперь тихо, — повысила она голос. — Всем успокоиться. Пели вы хорошо, а кричали и того лучше. Солдаты из вас выйдут хорошие, а вот артисты, скорее всего, никакие. А сейчас споём другую песню. Итак, «Про улыбку». Девочки, запевайте.

Рассказы из четвёртого «а» класса

КНИГА

Люди всегда кого-то или что-то любят. Одни любят мороженое, другие – конфеты, те любят сидеть за компьютером, а эти ходить в гости, кто-то с удовольствием играет в футбол, а кто-то предпочитает валяться на диване.

Коля Никонов, ученик четвёртого класса, больше всего на свете любил читать. Он никогда не расставался с книгой. Садился за стол – раскрывал книгу, ложился в постель – листал страницы. Он уже давно перестал выходить на улицу и даже смотреть в окно. Ничего интересного там для себя он не находил.

Родители долго терпели эту его болезненную страсть, но потом стали ругаться и даже отбирать книги. Но он нашёл выход и из этого положения. Просто, когда родители были на работе, припрятывал книги в разных укромных уголках и, если у него отнимали одну книгу, тут же переключался на другую.

Вечером мама, укладывая сына спать, обязательно выключала свет. Но это не останавливало его. Он залезал под одеяло, включал фонарик, специально припасённый для этих целей, вытаскивал из-под матраца книгу и почти всю ночь напролёт читал.

Такой режим не мог не сказаться на здоровье мальчишки и его успеваемости в школе. Постепенно он начал скатываться до троек. Учителя пытались как-то повлиять на него: оставляли после уроков, грозились вызвать в школу отца – ничего не помогало.

От вечного недосыпания Коля сделался вялым, лицо его побледнело, аппетит пропал, он перестал смеяться и улыбаться.

Тут уже родители не на шутку испугались. Мама схватила Колю за руку и, несмотря на его сопротивление, повела в больницу. Доктор внимательно выслушал мать, не менее внимательно осмотрел Колю и, наконец, сказал:

– Ваш ребёнок совершенно здоров. Ему надо больше двигаться, чаще бывать на свежем воздухе, меньше сидеть за компьютером или лежать на диване. И, главное, обеспечьте полноценный сон и полноценное питание.

В тот же день рекомендации врача мама начала претворять в жизнь. Она усадила Колю за стол, предварительно отобрав книгу, поставила на стол тарелку с котлетами, стакан молока с булочкой.

– Я не хочу есть, – заворчал Коля, – сколько можно.

– Ну, тогда, – твёрдым голосом сказала мама, – собирайся и иди гулять. Тебе прописан свежий воздух.

Делать нечего. Коля собрался, незаметно от мамы сунул за пазуху книгу, с надеждой где-нибудь посидеть и почитать её. Он думал пристроиться во дворе на какой-нибудь скамейке, но, к его досаде, на всех на них сидели старушки, рассказывая, как всегда, друг другу какие-то старинные новости.

Он пошёл в соседний двор, но проходя мимо спортивной площадки, где мальчишки его возраста гоняли мяч, остановился. Зачем идти далеко, если возле площадки установлено несколько скамеек, на которых никто не сидел. «Вот и хорошо, – сказал сам себе Коля, – читать можно и здесь». Он сел поудобнее, раскрыл книгу и углубился в чтение.

Мальчишки, гоняющие мяч, не интересовали его, да, скорее всего, и он мальчишек. Так бы они и занимались каждый своим делом, если бы неожиданно мяч после сильного удара не улетел с поля, не стукнул Колю в лоб и непонятно как не оказался у него в руках. Коля вначале от неожиданности испугался, а потом, увидев мяч, встал и с силой пнул его в сторону мальчишек. Мяч взмыл вверх, перелетел всю площадку и плюхнулся прямиком в ворота. Вратарь прыгнул за ним, но было поздно. Мальчишки долго смеялись, а потом подошли к Коле.

— Привет, — сказал один, — ты что скучаешь?

— Я не скучаю, у меня книжка интересная.

— Книжку ты успеешь прочитать, а у нас одного игрока не хватает.

— А я никогда не играл в футбол.

– Научишься.

– А у меня книжка. Куда её?

– Пусть на лавочке лежит.

Никто её не возьмёт.

– А вдруг ветром сдует.

– Не сдует, – сказал самый маленький футболист и положил на неё обломок кирпича, валявшийся неподалёку.

Колин отец пришёл с работы позже обычного, умылся, переоделся и сел за стол, мать начала суесться, расставляя посуду.

– А ты, отец, случайно не видел во дворе Колю?

– Не видел. А что его дома нет?
– удивился он.

– Нет. Ушёл ещё днём и как пропал. Может, что случилось?

– Хм. Пойду, наверное, посмотрю.

Он встал из-за стола, но тут затрещал дверной звонок. Отец щёлкнул замком, и в дверях появился Коля.

– Боже мой, – воскликнула мать, всплёскивая руками, – на кого же ты похож, сынок?

– На мальчишку, – ответил ей отец, – который весь день, скорее всего, играл в футбол.

– И мы выиграли, папа. А ещё я хочу есть и спать.

Коля забрался в кровать, натянул на себя одеяло, прикрыл глаза и тут вспомнил: «Ой-ё-ёй, а ведь книга осталась на лавочке. Вставай, разиня».

– Ты куда, сынок? – увидев собравшегося сына, поинтересовалась мать.

– Сейчас вернусь, просто я на спортплощадке книгу забыл.

ДЕНЕЖКА

Майский день, по-настоящему тепло. Все горожане, свободные от работы, учёбы и хозяйственных дел, высыпали на улицу. Каждому хотелось погреться на солнышке, отдохнуть от зимних морозов и долгой дождливой неуютной весны.

Две подружки Маша и Аня из четвёртого «а» класса сидели в сквере на скамейке и купались в солнечных лучах. Занятия в школе закончились давно, но идти домой не хотелось. Там домашние обязанности, уроки, а здесь покой, нега и возможность побездельничать. Им даже разговаривать не хотелось. Лень вместе с теплом растекалась по всем жилочкам.

Наконец Аня не выдержала:

— И что мы сидим без дела...

— А что мы должны делать? — с неохотой отозвалась Маша.

– Можно хотя бы в магазин сходить. У меня 50 рублей есть, на бутылку пепси хватит.

– Давай сходим, – всё также лениво ответила Маша, – а то уже совсем жарко и пить хочется.

– Ладно, вставай.

Девочки не спеша встали, взяли рюкзачки и стали прилаживать их за спину.

– Интересно, – спохватилась Аня, – а куда же я деньги дела? – Она обшарила карманы. – Неужели в рюкзак сунула? – сняла рюкзак, – нет и здесь нету.

– Ох ты, Анька, и разиня, вот теперь по твоей милости и без пепси остались.

Аня всё ещё обшаривала свою одежду и рюкзак, надеясь найти пропажу, а Маша в расстроенных чувствах снова уселась на скамейку.

– Да садись ты, – посоветовала она подруге, – что с возу упало, то пропало. Так моя бабушка говорит. А

ещё она говорит: нашёл — молчи и потерял — молчи.

Аня тяжело вздохнула и тоже вернулась на своё место.

В это время в конце аллеи, где нежились на солнышке подруги, показался мальчик, их одноклассник Толя Сидоров. Он шёл не торопясь, поглядывая по сторонам, не забывая шугануть лежащую под кустом кошку, пугнуть галдящих, гоняющихся друг за другом взъерошенных воробьёв, пнуть подвернувшуюся под ноги, неизвестно откуда взявшуюся картонную коробку. Он успевал делать всё, чем и заинтересовал девочек, у которых теперь тоже появилось занятие — наблюдать за Сидоровым и комментировать его поведение.

Неожиданно мальчик остановился, склонился и что-то поднял с земли. Он повертел в руках это что-то, посмотрел внимательно на

него и довольный сунул это что-то в карман. Девчонки не успели рассмотреть Толину находку, но им показалось, что это была какая-то бумажка.

— Анька, — первой догадалась Маша, — это он твои деньги нашёл. Точно тебе говорю. Пойдём, спросим, Толька честный человек, он отдаст.

— А вдруг это и не деньги вовсе, — засомневалась Аня.

— Деньги, деньги, — потащила её за руку подруга.

— Толик, — окликнула она мальчика, — ты что нашёл?

— Деньги.

— Ну, вот видишь, — зашипела Маша на ухо Ане, — твои денежки. А сколько рублей ты нашёл? — это она уже к Толику.

— Сто.

— Сто рублей? — изумлённо переспросила Аня, а Маше прошептала, — это не мои деньги, чужие. У меня было 50 рублей.

– Молчи, – сердито зашипела в ответ Маша, он-то не знает, сколько у тебя было. Скажешь сто.

– Говори сама.

– И скажу, – и уже громко добавила, – Толик, а ведь эти деньги Аня потеряла. Ты уж, пожалуйста, верни их.

– Ну, если Аня потеряла, то я конечно отдам. Мне чужого не надо. А где же ты их потеряла?

– Да где-то здесь, – не дав Ане и рта раскрыть, протараторила Маша. – Мы с ней по аллейке шли, дурачились, ну денежка, видимо, из кармашка выпала.

– Так-так, бывает и хуже, – посочувствовал Толик, – а сколько, говоришь, у Ани денег было?

– Сторублёвая бумажка. Да ты не сомневайся, Аня не даст соврать. Правда, Аня?

– Правда, – покраснев и потупив глаза, вслед за подругой проговорила та.

– Ну вот, видишь?

– Вижу, конечно. Что ж забирайте.

Он сунул руку в карман, достал бумажку, повертел её в руках, покачал головой из стороны в сторону и, наконец, показал девчонкам.

– Ты посмотри, я-то думал, что сотню нашёл, а это полтинник. Жалко, конечно, что это не ваши деньги. Подожду, может, ещё какой-то раззява объявится. Если у вас кто-то спросит, скажите, что это я нашёл.

Он сунул деньги обратно в карман и неспешно пошагал вдоль аллеи.

МОЛДАВАНЕСКА

Новенькая была интересной девочкой, мне она сразу понравилась: тоненькая, с косичками, в которые вплетены крупные белые банты, похожие на махровые бутоны пионов,

расцветающие каждое лето у бабушки на даче. А ещё у неё были чёрные глаза, тёмные волосы и белоснежный фартук. Но, главное, что Людмила Петровна посадила её рядом со мной за одну парту, потому что Витьку Николаева, который до сегодняшнего дня сидел здесь, пересадили на первую парту. Людмила Петровна вчера сказала ему:

– Николаев, дружок, с завтрашнего дня будешь сидеть на первой парте с Машей.

– А почему? – возмутился Витёк.

– А потому, что у вас с Сашей образовалось много общих интересов, которые обсуждать вы предпочитаете на уроках...

Витёк хотел вставить какое-то слово в наше оправдание, но Людмила Петровна не дала ему это сделать:

– И, пожалуйста, не спорь. С Машей ты не разговоришься, да и я всегда за тобой присмотрю. Понял?

– Понял, – убитым голосом пробормотал Витёк.

Таким образом, рядом со мной оказалось свободное место, на которое Людмила Петровна и усадила новенькую.

Новенький в классе – это всегда праздник, по крайней мере, для меня, потому что знакомишься с новым человеком, и это интересно. А ещё потому, что урок хоть минут на пять-десять отодвигается в сторону.

Людмила Петровна сказала, что девочку зовут Карина, фамилия у неё Скрипач, а приехала она с родителями из Молдавии, и жить они будут в нашем городе.

Мне очень хотелось поговорить с Мариной, узнать, как она учится и почему её родители уехали из Молдавии, и ещё тысяча вопросов вертелась у меня на языке. Но я

прикусил его и запретил своему любопытству шевелить языком на уроке.

А на перемене девчонки окружили Карину и ни на минуту не отошли от неё.

Прошло несколько дней. Однажды Людмила Петровна сказала:

– Ребята, скоро Новый год. В школе состоится грандиозный бал-маскарад. Все участники должны быть в костюмах, кроме того, каждый класс обязан подготовить номер для праздничного концерта. Нам предлагают показать какой-нибудь танец народов России или других стран.

Девчонки зашумели, засуетились, одно за другим посыпались предложения:

– Людмила Петровна, а давайте... а давайте... а давайте...

Они наперебой предлагали такое, что сами не умели танцевать и,

скорее всего, даже не видели, как это делается.

Вот Вика Пономарёва предложила?

— А давайте «Берёзку» станцуем. Знаете, как это красиво. Там девушки хороводы водят и ходят, как будто плавают.

Вот ведь бестолковая, как же ты эту «Берёзку» станцуешь, если никто понятия не имеет, как это делается.

Людмила Петровна внимательно выслушала всех (и как у неё только терпения хватило), а потом сказала:

— Спасибо, девочки. Ваши предложения очень интересны, но беда в том, что я не знаю эти танцы. Вернее, слышать-то я о них слышала, но танцевать, а тем более научить вас, не смогу. А кто-нибудь из вас танцевал краковяк, например, или лявониху, или гопак?

И вот тут выступила Карина:

– Я танцевала молдаванеску. Это молдавский танец такой. Он очень красивый и быстрый.

– А ты можешь научить наших девочек?

– Могу, только там нужны и мальчики.

Вот тут разговор и споры о Каринином предложении только начались. Надо было шесть девочек и столько же мальчиков. Шесть девочек нашлись сразу, а шесть мальчиков почему-то не находились. Согласились танцевать только пятеро, а шестой упёрся, как баран. А почему ему было не упираться, если он никогда в жизни не танцевал и в ближайшем будущем не собирался это делать. То, что шестым должен стать я, вы уже поняли.

– Что, – говорил я, – у нас других мальчиков нет? Вон их сколько, полкласса. Почему вы к ним не пристаёте?

Наталья Петровна не выдержала и тоже стала уговаривать меня, и девчонки прилипли, как банные листья, и Карина глядела на меня умоляюще. И, в конце концов, пришлось согласиться. Правда, я им сразу сказал, что, скорее всего, меня нереально научить танцевать. На что Карина заметила:

– Научим. В цирке медведей учат на велосипедах ездить.

А Вика Пономарёва ехидно добавила:

– Не можешь – научим, не хочешь – заставим.

Все вокруг засмеялись, а мне даже обидно стало: «Вот ещё горе на мою голову навязалось. Сама ничего не умеет, знать не знает, а туда же – людей учить».

Репетицию назначили на завтра. После уроков мы сдвинули столы в угол и начали обучаться дрыганию ногами. Карина включила музыку, которая сразу же всем

понравилась, и стала показывать самые простые танцевальные фигуры. Уже через полчаса у всех девчонок и мальчишек стало что-то получаться. Они прыгали с ноги на ногу, как молодые козлята, крутились и вертелись в разные стороны в такт и точно под музыку. И только у меня ничего не получалось. Я пробовал и так и этак – всё впустую. Наконец, плюнув на всё, сказал Карине:

– Танцуй одна, у меня ничего не выйдет.

– Выйдет, – несколько раз упрямо повторила она, – ты, наверное, плохо слушаешь музыку или стесняешься нас. Сейчас ребята уйдут домой, а мы останемся вдвоём и попробуем всё с начала.

Я согласился. Ребята разошлись, а мы с Кариной ещё часа два боролись с моей неуклюжестью. Но все наши усилия завершились ничем. Карина порхала по классу, как

бабочка, а я топтался рядом, как косолапый медведь.

— Ладно, Саша, — сказала она наконец, — пойдём по домам, у нас впереди ещё целая неделя. За неделю ты у меня не то что молдаванеску, а Лебединое озеро танцевать будешь.

Может быть, вы думаете, что я не хотел учиться? Нет, хотел. Я старался, потел, краснел, пытался прыгать как все, но ноги не слушались меня. Они упрямо не отрывались от пола и кроме слоновьего топота не выдавали ничего, что хоть отдалённо могло напоминать какой-нибудь танец.

Настроение по этому поводу было у меня самое паршивое. Я стыдился глядеть в глаза товарищам, а больше всего Карине. Она никак не могла взять в толк, почему взрослый мальчик такое простое дело не может освоить вот уже в течение недели. В конце концов, ей надоело возиться со

мной, и на новогоднем балу танцевали пять пар.

Карине очень хотелось выступить на сцене, но нового партнёра для неё не нашлось, а старый (это я про себя) самым позорным образом подвёл её.

На новогоднем празднике наш класс выступил достойно, молдаванеска понравилась всем. Танцорам вручили почётную грамоту (она сейчас висит в классе на стене) и какие-то подарки. Я, правда, их выступление не видел, потому что мне было стыдно сидеть в зале после того, как подвёл подружку да и весь класс. Я вообще не ходил на этот бал-маскарад, а сидел дома в комнате и лупился в телевизор. Показывали какой-то концерт: кто-то пел, кто-то танцевал. Вдруг на сцену выпорхнули несколько девушек и парней в каких-то немыслимо пёстрых нарядах. Грянула музыка. Да, да, я сразу узнал её. Это была молдаванеска. Не помня

себя от радости неожиданной встречи со знакомой мелодией, я сорвался с дивана и начал выделять все те коленца, которым так тщетно пыталась научить меня Карина. «Умею, умею, – восторг не покидал меня ни на минуту, – вот Карина обрадуется!» Я почему-то был уверен в этом, потому что сам бы я непременно порадовался любому Каринину успеху.

На другой день занятий в школе не было и на следующий тоже, потому что начались зимние каникулы. За эти дни радость моя немного улеглась, хотя я почти каждый день танцевал молдаванеску, чтобы не забыть приобретённые навыки и не только из-за этого: просто мне понравилось танцевать.

После каникул при первой же нашей встрече с Кариной я радостно сообщил ей:

– А я танцевать научился!

Она даже не улыбнулась, а посмотрела на меня, как на больного или глупого человека, а точнее, как на пустое место:

– А зачем?

Я пытался что-то объяснить, но она уже не слушала меня. Я понял, что её уже нет рядом со мной и только это её «а зачем?» засело у меня в голове и весь день не давало покоя.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Рассказы

ДЕД

– Вставай, внучек. Рыжий кот уже у ворот.

– Обманиваешь ты, дед, как всегда. Нет там никакого кота. А рыжих и вовсе по всей деревне днём с огнём не найдёшь.

– А ты погляди в окошко, там солнышко, как кот или кошка. Всё блестит, как котовы глаза, взгляд оторвать нельзя. А лучи, как усы, в разные стороны, были бы лапы, они бы могли и нас поцарапать.

– Дед, – говорю я, – а почему ты всё время стихами говоришь? Когда ты их сочиняешь?

– Да я и не сочиняю, я просто так говорю, а слова сами как-то правильно укладываются. А если надумаю что-нибудь сочинить, то выходит один пшик.

– А я тоже хочу так говорить, чтобы складно было.

Дед смеётся:

– Подрастёшь, научишься. Если Бог даст, само придёт, а если нет, то уж не взыщи. Вон твой отец, сколько годов прожил, а ничего не сложил. Правда в другом деле он мастак, не возмёшь за пятак, бери за тыщу, лучшего шофёра в селе и не сыщешь.

– Дед, ты говоришь, будто поёшь.

– А почему бы не петь. Поёт ведь не человек, а его душа, особенно, когда жизнь хороша. А у меня жизнь, что надо, вот душа ей и рада.

– А чему твоя душа радуется?

– Смотрю на тебя и радостно мне, скоро внучек ростом будет со мной наравне.

– А в чём тут радость?

– Как в чём? Вырастешь – поумнеешь, научишься жить, своих детей да внуков станешь уму-разуму

учить. Может, когда и про деда им скажешь, был, мол, у меня дед, жаль, что его уже с нами нет. А то бы он поговорил с вами, не так как я, а стихами. А я бы на небесах сидел, слушал ваш разговор и радовался. Это ли ни счастье знать, что живёт на земле внук и правнуки, которые помнят деда не за то, что он добро копил, а за то, что добру стихами учил.

— Нет, дед, ты вправду молодец. А на рыбалку мы пойдём или нет?

— А ты накопал червей? — вопросом на вопрос отвечает дед.

— Эх, дед, — с сожалением и даже с отчаяньем выдохнул я. — Про червей-то я и позабыл. Заигрался вчера. Но я быстро...

— Вставай поскорее, — дед смеётся, — я-то вчера ни с кем не играл, между делом и червей накопал. В холодильнике они, ждут тебя, просятся на рыбалку.

Ходить с дедом на рыбалку — одно удовольствие. Он всегда шутит, всегда помогает. Вот и сегодня. Зацепился у меня крючок за какую-то коряжину, он скинул одежду, залез в воду, нырнул раза два, а потом говорит:

— Нет, внучок, не могу отцепить крючок, видно, старость настала, да и ума уже мало. Хочешь — не хочешь, давай помогай, скидывай портки да ко мне полезай.

Меня долго просить не надо. Миг и я уже рядом с дедом. А он опять говорит:

— Успеем мы твой крючок отцепить, можно ведь и без него прожить. Давай, лучше искупаемся.

— Давай, дед, — обрадовался я.

Что тут началось! Мы плавали наперегонки, я взбирался к деду на плечи и нырял с них. Потом оба ныряли на дальность. Интересно, но побеждал всегда я. Дед вроде бы старался, сопел, пыхтел, брызгался

водой, но от этого он не плыл быстрее и не нырял дальше. Я понимал, конечно, что он немного поддавался, но всё равно побеждать было приятно. А когда мы с ним посинели в воде от холода, дед приказал выбираться на берег. Я сам отцепил зацепленный крючок и тоже выбрался из воды. Мы с дедом немного побегали по берегу, а потом, когда согрелись, снова принялись за рыбалку.

Правда рыба уже не клевала. Видно мы её всю распугали. Я даже пригорюнился. Но дед сказал, что это не беда, а самая настоящая ерунда. И пока мы с дедом разговаривали, у меня дёрнулся поплавок. Я резко дёрнул удочку и увидел на крючке трепыхающегося ерша.

— Ну, молодец, — похвалил меня дед, — так держать!

Прошло немного времени, как у меня снова клюнуло. На этот раз попался пескарик, потом ещё и ещё. А

вот дедушке не везло. У него почему-то поплавок ни разу не шелохнулся.

Когда мы пришли домой, нас встретила бабушка.

– Слава Богу, вернулись. А я уже собиралась все пироги одна съесть. Ну, как порыбалил, внучок?

– Хорошо, бабушка.

– А поймал кого-нибудь?

– Поймал: пескарей да ерша!

– А дед?

– А дед ни шиша!

– О Господи! – воскликнула бабушка, – и этот стихами заговорил!

ЧЕРЕПАХА

Дядя Володя ездил в город и привёз оттуда подарки. Всем ерунду всякую – тряпки да тапки, а вот мне из подарков подарок – настоящую черепаху. Он её в зоомагазине купил. Продавец ему всё о черепахах

рассказал и научил, как ухаживать за ними.

А дядя Володя всё это мне пересказал, и я сразу же побежал на улицу за кормом. Продавец говорил, что черепахи любят сочную зелень и всякие огородные овощи. Для начала я выдернул из земли морковку, нарвал свекольных листьев и пучок молочая.

Через минуту я уже пытался скормить все эти припасы черепахе, но она упорно отказывалась от них. Более того, она просто не замечала корм. Что я только не делал. Совал морковку ей в рот, тыкал её носом в траву, разминал листочки в руках, чтобы посочнее были – ничего не помогало. Она прятала голову в панцирь и делала вид, что совершенно не знакома с нами.

Дядя Володя посоветовал, вынести её на улицу, посадить в травку, чтобы она сама выбрала еду по своему вкусу.

Я так и сделал. Но она и на улице ничего не выбрала. Мне кажется, что она вообще устроила голодовку.

Прошло много дней. Мы полюбили нашу черепашку, с удовольствием играли с ней. Она уже не стеснялась нас и принимала вкусные листочки даже из рук.

Но однажды черепашка пропала. Вся наша семья искала её, к поискам подключились все соседские ребята. Напрасно мы бегали по всей деревне, опрашивали знакомых и незнакомых людей, черепаха как в воду канула.

Мама сказала:

– Ну, уж если за неделю всем миром не нашли, значит уже и не найдём. Может, зверь какой унёс, а может, недобрые люди поймали.

Искать беглянку перестали, но я всё же не верил, что она пропала, считал, что она просто заблудилась и когда-нибудь сама вернётся домой.

Наступила осень. Началась уборка урожая. В то время на уборку обязательно приезжала городская молодёжь, они работали на току, разгружали машины с зерном. В нашу деревню тоже приехали парни и девушки из какого-то городского института. Они, как и все деревенские рабочие, работали тогда без выходных. Но однажды, когда зарядил дождь, они выбрались в лес и нашли там нашу черепаху.

— Вот чудо, — закричала самая умная девочка. — Я считала, что в Сибири черепахи не водятся.

— Вот видишь, — сказал не самый умный парень, — ты, оказывается, тоже не всё знаешь.

Самая умная девочка взяла прутик и потихоньку погнала черепаху по дороге по направлению к деревне. А в это время им навстречу шагали мы — сельские пацаны. Самая умная девочка увидела нас и закричала:

– Ребята, а мы сейчас черепаху нашли. Они, правда, у вас в лесу водятся?

– Конечно, – важно ответил Мишка, самый старший из нас. – А вы что, только одну нашли? Да их тут хоть лопатой гребь.

А я схватил свою черепаху и бегом домой, чтобы старшие не отобрали.

КОТЁНОК

Маленький котёнок сидел на окошке и глядел скучными глазами в черноту городского двора. Была ночь, и там, внизу, ничего интересного не происходило, изредка доносились ненужные запахи цветущей календулы и проходящего вдалеке ночного трамвая.

Котёнок уже совсем собрался идти спать, у него в дальнем углу

комнаты была собственная лежанка, как вдруг из-за туч выглянула красивая, как блюдечко с молоком, луна. Она улыбнулась котёнку, показала ему ровные зубы и протянула прямо к окошку жёлтые и приветливые лучи.

«Ой, какая красивая дорожка», – подумал котёнок и смело шагнул на неё. Он был маленький и совсем не знал того, что по лунным лучам ходить не полагается, по ним можно только скользить. Но у котёнка не было мамы, которая могла бы рассказать об этом, поэтому-то он и сорвался вниз, в пустоту забытого на всю ночь двора. Он, наверное, разбился бы насмерть, поскольку окно, из которого вывалился котёнок, находилось на одиннадцатом этаже, если бы не коготки, которыми он в последний момент ухватился за край луча.

Лунный луч прогнулся, а потом вдруг начал распускаться как

бабушкин клубок, выпуская длинную и лёгкую нить. Котёнок отчаянно вцепился в неё зубами. Налетевший ветер подхватил нить и вместе с котёнком помчал её по воздуху в неизвестно какие края.

«Ого, — подумал котёнок, — кажется, я лечу, как паучок на паутинке. Это, конечно, интересно, но ужасно страшно, тем более что вокруг тьмущая тьма. Я не вижу даже своих лапок, а потому не уверен, трясутся ли они от страха или нет».

А лунная нить всё летела и летела. Постепенно котёнок привык к своему положению и даже стал напевать, вернее, намурлыкивать простенькие песни. Он за свою короткую жизнь уже успел выучить несколько красивых мелодий, и когда ему становилось скучно или грустно, вспоминал их и наслаждался своим голосом. Он мурлыкал о родном доме, мягкой лежанке и блюдечке с молоком и о маленьких котятках,

которых он, правда, никогда не видел, но догадывался об их существовании.

Мурлыканье становилось всё громче и громче, так что запоздалые ночные прохожие ясно слышали какие-то чудные звуки. Но им не приходило в голову, что над городом пролетает маленький пушистый котёнок на длинной лунной паутинке, поэтому они не останавливались и не задирали вверх головы, чтобы полюбоваться необычайным зрелищем.

Наконец, котёнку надоело мурлыкать, и он начал вспоминать разные интересные истории. Самая интересная из них произошла недавно на кухне. Девочка Кристина пила чай и нечаянно уронила на пол большой бутерброд с настоящим маслом. Она хотела поднять его, но бабушка строго запретила делать это:

— Теперь уж пусть Пушок доедает за тобой, люди куски с пола не подбирают.

– А почему? – удивилась Кристина, – Разве мы чем-то отличаемся от котят?

– Конечно, – сказала бабушка, – котята ходят на четырёх ногах и всё время смотрят в землю, люди – на двух и смотрят вверх.

– Но ведь есть люди, которые, как котята, смотрят в землю.

– Есть, – вздохнула бабушка, – ну, так они, пожалуй, не лучше котят будут.

Пока Кристина с бабушкой вели учёные разговоры, котёнок усердно слизывал с бутерброда масло. Оно пахло молоком и ещё чем-то вкусным-превкусным. Но, самое главное, масло таяло во рту и само просачивалось во все клеточки кошачьего тельца. Это было так приятно, что глазки стали сами собой превращаться в щёлочки, а горлышко независимо от головы запело ласковую песню.

Но неожиданно приятные воспоминания окончились, а маленький котёнок вместе с паутинкой упал на землю. Он сильно ударился обо что-то твёрдое и большое и уже собрался заплакать, но вовремя спохватился. Рядом не было ни родных, ни знакомых, которые могли бы пожалеть его, а, значит, и реветь не было смысла. А поэтому он только чуть-чуть погоревал о случившемся и уже через минуту начал оглядываться по сторонам.

«Ого! — с испугом подумал он, — я, наверное, попал на другую улицу и теперь вряд ли сам найду дорогу домой. Самое страшное, что в огромных городских кварталах бегают бездомные собаки и мальчишки, которые только и ждут маленьких котят, чтобы поймать их и разорвать на мелкие части».

Пушок заскучал. Слезы всё-таки стали наворачиваться на глаза, и даже отдельные слезинки капали на

пушистые щёки. Он вспомнил, как плакала Кристина, когда бабушка чистила на кухне лук, а она вертелась возле неё, то и дело вытирая глаза кулачком. Бабушка прогоняла её из кухни, но маленькая девочка хоть и плакала, но отчаянно переносила страшное испытание луком.

Немного поплавав, котёнок вдруг вспомнил, что он всё-таки не девчонка, а слёзы настоящих мужчин не украшают. Он вытер глаза правой передней лапкой, тщательно умылся, вылизал себе грудку и успокоился.

«Вот сейчас я хорошенько осмотрюсь и, может быть, отыщу дорогу домой. А если не получится, то потихоньку позову кого-нибудь на помощь. Ведь есть в нашем городе ещё кто-нибудь кроме собак и мальчишек».

Не успел он так подумать, как из ближайшей клумбы вылез маленький, раз в пять меньше Пушка, котёнок. Наш котёнок таких ещё

сроду не видывал. Пока он рассматривал это существо, из других клумб вылезло десятка два, а может, и больше таких же котят. Они отличались от него самого размерами и окраской. Но это не было главным. Пушок мог представить себе котят-лилипутиков самой различной окраски. Но вот таких, которые светятся в темноте, и через которых можно было смотреть как через стекло, не представлял даже во сне.

— А вы кто такие? — спросил он у подбежавших к нему зверюшек.

— Котята! — закричали они хором.

— Что-то я сомневаюсь, — подумал котёнок и хотел высказать им своё сомнение.

— А ты не сомневайся, — снова во всё горло закричали малыши. — Мы самые обыкновенные лунные котята. Ты ведь нечаянно залетел на Луну на лунной паутинке. К нам нередко прилетают с Земли маленькие котята

и ребятишки. Не все ещё знают, что по лунной дорожке очень просто попасть к нам. Надо только не испугаться и побежать. Правда, по ней лучше скользить, как по мокрому полу или по льду.

— Вот это да, — ещё раз подумал котёнок, — но всё-таки тут что-то совершенно не правильно. Наверное, на свете не бывает лунных котят, а только солнечные зайчики...

— Скажешь, тоже, — заверещали котята, — мы же есть, самые настоящие лунные котята, а зайчиков здесь никаких нет.

— Эге, — в третий раз подумал Пушок, — может быть, и вправду на Солнце живут зайчики, а на Луне котята. Всё недоразумение в том, что этот вопрос серьёзно никто не прорабатывал. А, вдруг, я буду первым, и мне за открытие новых животных дадут премию, а я на неё поплыву путешествовать на большом красивом корабле...

— Ну, ты и фантазёр, — засмеялись котята, — про нас знает весь мир, только ты узнал последним, но все равно это хорошее открытие. Теперь и ты — просвещённый котёнок. Никто не посмеет сказать о тебе дурное. Тем более, мы дадим тебе мудрые советы. Если следовать им, ты никогда не почувствуешь себя несчастным.

— Интересно, — подумал снова котёнок, — чем же мудрые советы отличаются от бестолковых, может быть, размером или весом? Хорошо бы, если вкусом.

Но Лунные котята только посмеялись над такой наивностью:

— Нет, нет, ты опять не о том подумал, советы ведь не едят, их впитывают. Тот, кто впитает больше хороших советов, тот становится умнее.

— А как отличить хорошие советы от плохих? Вот бабушка, например, говорит мне, чтобы я шёл

спать, а Кристина зовёт с ней побаловаться. Если я не послушаю бабушкин совет – это плохо, и если не послушаюсь Кристину, то тоже нехорошо.

– Конечно, ты ещё маленький котёнок и многого не знаешь, маленькие всегда чего-то не знают, – сказали в ответ Лунные котята, – а поэтому прими наш первый совет: ***все хорошие дела делаются в нужное время.*** Вечером ты должен идти спать, как посоветовала тебе бабушка, днём же можешь пошалить с Кристиной. И все будут довольны тобой.

– Ой, ой, – замыкал Пушок, но в таком случае я не буду доволен собой. Вечером мне не хочется спать, а днём – играть с Кристиной, тем более что днём её нет дома. А если я не буду доволен собой, значит, я не буду счастливым котёнком. Моя жизнь будет скучной и никчёмной.

Котёнок очень гордился тем, что сумел перенять от Кристининой бабушки несколько умных слов. Он не только повторял их, но и понимал их значение. «Никчемная жизнь», считал он, — это жизнь ни к чему не пригодная, и, к слову, «никомузная жизнь» — это она же, но никому не нужная.

Лунные котята только вздохнули:

— Ну, ты и философ. Обычно такие мысли не посещают малышей. По этому случаю наш второй совет: ***никогда не забывай Лунных котят.*** Тогда ты не будешь стареть, и тебе никогда не захочется быть взрослым. Ведь быть взрослым — это очень скучно, а иногда и неприлично, потому что взрослому при чужих лицах нельзя громко мяукать, бегать по комнате, а тем более лазать по столу и лизать из чужого блюдца сметану.

Пушок хотел было возмутиться, мол, ничего подобного он уже давно не делал, но не возмутился. Он вдруг вспомнил, что не позже чем вчера сунул мордочку в Кристинино блюдо и даже успел несколько раз лизнуть эту самую сметану. Котёнок снова загрустил, ему сильно захотелось домой. Как правило, вкус сметаны всегда вызывает такой желание. Но из вежливости он поинтересовался третьим советом.

— А это особый совет, — зашушукали Лунные котята, — ***без нужды не слушай чужих советов.***

Они засмеялись, а котёнок задумался:

— Интересно, значит, я и вовсе не должен никого слушать. Бабушку, значит, по боку, Кристину — тоже, да и Лунных котят нечего баловать.

— Стой, стой, ты опять всё напутал. Мы ведь сказали тебе, чтобы ты никого не слушал без нужды. А в

бабушке у тебя есть нужда, она тебя кормит, а Кристина играет с тобой. И в нас ты нуждаешься, потому что мы ещё должны тебя отправить домой. Без нас ты никогда не доберёшься до того окна, из которого выпал.

Пушку стало ужасно стыдно за свои бестактные мысли.

– Всё, – сказал он сам себе, – больше так думать не буду, я сейчас напрягусь и придумаю свой собственный совет. Так, так...

Он действительно напрягся, шерсть на спине встала дыбом, глазки прикрылись, носик зачесался, но мысли, как назло, куда-то улетели, как поздней осенью перелётные птицы.

– Думай, думай, – приказывал себе котёнок, но ничего из этого не получалось, думалось почему-то плохо и совсем не о том, о чём хотелось бы. Он снова начал грустить, да так, что Лунные котята забеспокоились.

— А, между прочим, в твоих мыслях содержится очень полезный совет, — сказал один из них.

— Какой же? — удивился Пушок.

— А такой, — дружно крикнули Лунные котята, — думай!

— Я и так думаю, — разочарованно промяукал котёнок, — да ничего умного в голову не приходит.

— Ты опять не понял нас. Это твой совет себе так звучит: «*Думай!*». Думай всегда, везде, в любом возрасте и без нужды не слушай чужих советов, а добрые дела делай в нужное время и помни Лунных котят. Вот тогда ты не будешь знать в жизни даже маленьких разочарований. А теперь пора и поиграть.

Лунные котята громко замаяукали и помчались врассыпную по поляне.

— Догоняй нас! — крикнули они.

Пушок уже чуть было не прыгнул за ними, но что-то удержало его: «Стой, стой, мне надо подумать. На улице уже ночь и, значит, некогда развлекаться, да и нужды для этого нет, всякое дело надо делать в своё время. Пора домой».

Котёнок подошёл к широкой лунной дорожке, встал не неё и сильно оттолкнулся задними ножками. Лунная дорожка немножко прогнулась под ним, но удержала лёгонькое хрупкое тельце. Прошло совсем немного времени, и маленький Пушок очутился на своём подоконнике. Он ошалело покрутил головой, с трудом соображая, что же с ним произошло. Прямо перед ним, едва уместаясь в окне, сверкала полная и ужасно привлекательная Луна. Котёнок внимательно взгляделся в неё, и ему показалось, что по её поверхности бегают прозрачные Лунные котята, которые зовут попрыгать и поиграть с ними в салки.

Тут подошла бабушка и легонько шлёпнула котёнка:

– Ну-ка иди спать на место, Кристина уже давно спит, а ты всё ещё крутишься на подоконнике.

Пушок не обиделся. Он спрыгнул на пол и отправился в дальний угол комнаты к своей лежанке. В эту ночь ему снились одни Лунные котята.

Сказки

СТАРИК И СМЕРТЬ

Дед Тимоха прожил со своей бабушкой долгий век. Хозяйство вели, детей растили, уважали друг друга, жалели. Дед, бывало, прихворнёт, бабушка возле него, как наседка возле цыплят, крутится, а если бабушка сляжет, то Тимоха и на минуту от неё не отходит. Соседи смотрели на них да потихоньку завидовали. И своим детям их в пример ставили: смотрите, мол, старые люди, а как любят друг друга, как заботятся один о другом. Когда ни глянешь, а они всё время вместе: хоть в доме, хоть на огороде, хоть со скотиной управляют.

Но рядом со счастьем всегда беда ходит. Только счастье на минуту отвернётся, а беда уже на её месте свой бал правит. Так и здесь вышло. Посреди тёплого лета захворала

старушка да и приказала деду Тимохе долго жить. Схоронил он жену и остался один на всём белом свете. Дети, правда, звали к себе, но он отказался:

– Нет, дети дорогие, никуда я отсюда не поеду, буду возле материной могилки жить. Кому-то за ней ухаживать надо. А когда сам помру, положите меня с матерью рядом.

Разъехались дети, разошлись гости, вдвойне пусто в доме стало. Тоска с печалью одолевать начали, пробовал чем-то заняться – не получается, всё из рук валится. Плюнул на всё, собрался и пошёл к жене на могилку. Пришёл, веночки поправил, присел рядом на камешек да и заплакал. Плачет, жену добрым словом поминает:

– Милушка ты моя, голубушка ненаглядная, радость моя несусветная, забрала тебя смерть проклятая не вовремя, что б ей сквозь землю

провалиться, чтоб её чахотка поразила.

Не успел он последние слова договорить, как возле старухиной могилки сама Смерть и объявилась: в белом саване, с большущей косой в руках, глаза у неё черные, волосы седые из-под капюшона выбиваются, губы тонкие злые, чёрной краской намазаны.

— Что же ты, старик, меня обижаешь? Не по своей воле я твою жену забрала. Вот посмотри, в Книге судеб записано, — она достала из сумки толстую книгу, раскрыла её на одной ей известной странице и показала Тимохе, — вот запись: твоя бабка должна помереть нынешним летом.

— Постой, постой, не закрывай книгу, — закричал старик, увидев, что Смерть собралась захлопнуть её, — покажи, когда за мной придёшь.

— Не положено.

– Не особо важничай, тебе и людям на глаза показываться не положено, а ты вон объявилась.

– Потому и объявилась, что ты больно уж незаслуженно на меня нападаешь.

Старик это замечание пропустил мимо ушей, а сам снова за своё:

– А раз ты тут, так показывай мою запись.

– Показывай, показывай, – заворчала Смерть, – сказано нельзя, значит нельзя, читать я тебе не буду, но скажу, что проживёшь ещё много лет.

– Ах ты, карга проклятая, да я тебя теперь каждый час ругать буду, весь мир узнает, какая же ты дрянь на самом деле.

– Ой-ой, хватит, старик, ругаться, я же сказала, что жизнь тебе предстоит долгая, живи да радуйся.

– Чему же мне радоваться, если ты мою жену забрала.

– Вот беда большая, без неё проживёшь.

– Нет, Смерть, без жены никак не могу, на ней весь дом держится.

– Ох уж, прям весь дом. Возьми себе другую жену.

– Другую нельзя, она с хозяйством не управится.

– Ха-ха-ха, – захохотала Смерть, – да что там управляться.

– Ладно, – сказал старик, – давай договоримся, – ты у меня два дня вместо моей старухи подомовничаешь, а я за это тебя никогда ругать не буду, наоборот, перед всеми людьми нахваливать стану.

– А что? Почему бы и не подомовничать, я хоть у тебя отдохну немного. А то уже сколько веков без роздыху: каждый день косою машу. Ни тебе выходных, ни отпусков.

Привёл дед Тимоха Смерть домой:

— Вот смотри, это твоё хозяйство на целых два дня, делай всё, что моя старуха делала. Перво-наперво иди, подои корову, а то она, слышь, уже в полный голос ревёт.

Взяла Смерть подойник и пошла в стайку. Через несколько минут кричит оттуда:

— Готово, подоила.

— Телёнка напои.

Опять через несколько минут:

— Напоила.

— Остатки молока процеди.

— Процедила.

— А теперь просепарируй.

— Просепарировала.

— Сливки взбей, масло у нас кончилось.

Била Смерть масло, била, руки уже слушаться перестали, но всё-таки и с этим заданием справилась.

— Теперь, старик, отдохнуть надо.

— Нет уж, Смертушко, надо посуду мыть, да щи варить. Дело-то к

обеду идёт, а у меня во рту ещё крошки не было.

Поворчала Смерть, поворчала, но деваться некуда. Принялась кашеварить. Сварила всё-таки, собрала на стол. Наелся старик, вылез из-за стола:

– Молодец, хорошо готовишь. А теперь со стола убери, да иди в огород, грядки все сорняками заросли, бабки нет и глазу никакого нет. Да не забудь кур накормить, свинье намешать, полы помыть, двор разместить, печку подбелить, за вениками сходить, да повязать их, а ближе к ночи опять корову подоить, молоко прибрать, свинью накормить. Ну а между делами пыль смахни, паутину из углов убери, бельишко постирай, носки заштопай. А как управишься, начинай шерсть чесать, прясть её да варежки к зиме вязать. Без варежек зимой холодно будет.

Смерть уже и не рада, что со стариком связалась. Она ещё и

десятой доли женской работы не сделала, а силы свои уже все порастратила.

— Нет, дед, — взмолилась она, дай отдохнуть, я уже больше не могу.

— Не можешь, а как же моя старуха управлялась? Ты уж прости, но я не могу тебе поблажку делать. Ты ведь сама вызвалась подомовничать, отдохнуть немножко. Давай, не мешкай, нам сидеть некогда.

— Нет, старик, — замахала руками Смерть, — лучше уж я буду своей работой заниматься, а старуха свою пусть делает сама. Я её по такому случаю домой отпущу.

Так вот эта история и завершилась. Вернулась старуха домой с того света, и потекла старикинская жизнь по-прежнему. А Смерть в их дом не заглядывала ещё много лет, а когда, наконец, пришла, то забрала их вместе в один день.

ГУСЬ, СВИНЬЯ И ЛЯГУШКА

Было время, когда животные жили, как люди: так же строили дома, шили одежду, заготавливали себе пропитание на зиму, селились в городах и весях.

В одной деревушке объявились как-то два приятеля: Гусь да Свинья. Выстроили они домишко, справили кое-какую мебель да посуду и стали жить да совместно вести хозяйство.

Гусь целыми днями работал на пашне – выращивал зерно, поскольку очень уж был охочим до хлебушка; Свинья же не вылезала с огорода – она возделывала картошку и разные овощи. В зимние дни она любила готовить винегрет и пареные овощи.

И только под вечер друзья усталые, но довольные возвращались домой. Умывшись и поужинав, они выходили во двор, усаживались на скамеечку и долго разговаривали: рассказывали друг другу деревенские

новости или вспоминали какие-нибудь весёлые истории. Порой они засиживались на улице до глубокой ночи, и только когда звёзды полностью закрывали небесный свод, кто-нибудь из них говорил:

– А не пора ли нам на покой, завтра снова трудный день предстоит.

– И то верно, – отзывался обычно другой, и друзья отправлялись спать.

Однажды они, как всегда, сидели во дворе на своей любимой скамеечке и разговаривали. От тяжёлого труда у того и у другого ломило спины, измученные ноги отказывались ходить и просились на покой. Друзья и вправду уже подумывали о сне, как вдруг прямо перед собой увидели большую коричневую лягушку. Она прыгала по дорожке и совсем не обращала внимания на хозяев. Время от времени она останавливалась, широко разевала

рот и ловко хватала им пролетающих мимо мух или комаров.

– Эй, лягушка, ты что делаешь тут? – окликнул её Гусь.

Лягушка обернулась и проквакала:

– Мух да комаров ловлю. Я ими питаюсь. Мне надо много насекомых поймать, чтобы за лето жирка накопить.

– А ты их разве на зиму не запасает?

– Нет, конечно, зимой они мне не нужны. Я летом наемся, а осенью, как только зима постучится в окно, забираюсь в укромный уголок и сплю себе до самой весны. А весна придёт, разбудит меня, и я снова готова ловить мух да комаров.

– Вот здорово, – восхитились Гусь со Свиньёй. – А мы, бедные, всё лето работаем, жилы из себя рвём, всё корм на зиму запасаем.

– Глупые, вы глупые, – зачем вам это надо, пожалейте себя и своё

здоровье. Делайте, как я. Летом ешьте побольше, накопите жира, а как только придёт зима, закрывайте в доме ставни и ложитесь спать. А когда проснётесь, уже весна будет хозяйничать во дворе: тепло настанет, травка зазеленеет. И снова без всяких трудов пропитание само для вас найдётся.

Лягушка поскакала дальше, громко щелкая своим огромным ртом, а товарищи задумались над её словами.

– Слушай, Свинья, а ведь в её словах есть много чего интересного.

– Ещё бы, – ответила Свинья, – давай-ка обмозгуем всё не спеша.

– Давай.

И они почти всю ночь напролёт переваривали лягушачий совет. К утру всё-таки переварили. Решили на пашню и огород не ходить, а целыми днями пастись на лугу: щипать травку да копать сладкие корешки.

Сказано – сделано. Теперь каждый день они долго валялись в кровати, затем поднимались и не спеша шли на обед: Гусь щипал травку, Свинья ковыряла носом землю, добывала корни. Так проходили дни за днями, пока не наступила осень, а за ней и зима. В один прекрасный день, встав, как обычно к обеду, они выглянули в окно и растерялись: за окном толстая снежная шуба укрыла землю так, что никакой разбойник не смог бы снять с неё эту шубу. Кинулись Свинья и Гусь на улицу, попробовали добраться до травки и корешков, но ничего из этого не вышло. Голодные вернулись они домой.

– Ладно, Свинья, не расстраивайся. Значит, настала пора спать ложиться. Сейчас закроем ставни, уляжемся поудобнее и ну спать до весны. Не успеешь глазом моргнуть, как весна придёт.

– И то, правда.

Закрыли они ставни, взбили подушки, забрались под одеяла и попробовали заснуть. Ворочались с боку на бок, пробовали баранов считать, внушать себе хорошие мысли, но сон не приходил.

– Слушай, Гусь, ты не спишь?

– Нет пока.

– А почему не спишь?

– Есть хочу.

– Я тоже.

Они немного помолчали, а потом снова заговорили.

– Эй, Свинья, ты не знаешь, почему сон не идёт?

– Не знаю, но, мне кажется, если бы нам удалось пообедать, тогда бы и уснули.

– Верно, а у нас дома никаких запасов не осталось?

– Не знаю, давай поищем.

Встали они с кроватей, открыли ставни и стали искать в доме, в кладовой, в погребе хоть крошку хлеба, хоть зёрнышко, хоть травинку.

Ничего не нашли. Снова легли в постели, и чем дольше лежали они, тем больше голод напоминал о себе.

– Нет, Свинья, так мы никогда не уснём, пойдём по деревне милостыню просить.

Поохала Свинья, но делать нечего, собрались они и пошли по деревне. Первым делом постучали в дверь к соседу:

– Сосед дорогой, помоги нам, не дай помереть с голоду.

Вышел сосед на крыльцо, поглядел на голодных товарищей, покачал головой:

– А что же вы, братцы, летом запасов не сделали?

А что тут ответишь? Заплакали Гусь со Свиньёй, виниться начали, бес, мол, попутал. А сосед:

– Бесплатно кормить вас никто не станет. Я тоже.

Обрадовались товарищи:

– Соседушка, мы согласны на плату, ты только назначь её.

Усмехнулся мужик хитро:

– Плату я с вас большую не возьму. Будете отдавать раз в год: Свинья – сало, а Гусь – пух да перо.

Обрадовались глупые животные, завёл их мужик в стайку, кормил каждый день досыта, а осенью вошёл к ним с ножом.

– Кормил я вас хорошо?

– Хорошо, – ответили ещё ничего не понявшие Гусь и Свинья.

– А содержал хорошо?

– Хорошо.

– А коли так, пришла пора посчитаться. Давай, Свинья, сало, а ты, Гусь, – перо да пух.

Взвыли Свинья и Гусь от страха, поняли всё и давай между собой браниться.

– Это ты, Гусь, во всём виноват, ты лягушку послушался.

– Нет, ты виновата, ты позвала побираться.

Ругались они, ругались до тех пор, пока мужик не взял с них должок.

Но история эта ещё не окончилась. С той поры так и повелось, мужики стали заботиться о животных, но никогда не забывали потребовать с них долг. Вроде бы со временем все к этому привыкли, но вот гуси с тех пор никогда товарищами у свиней не были, да и гуси свиней тоже не жаловали.

КАРЛИК

Не подумайте, что всё это происходило в нашей стране. Нет, у нас такого не было, и быть не могло. У соседей тоже ничего подобного не случилось, а если бы что случилось, мы бы первыми узнали об этом. А так я даже понятия не имею, откуда такие вести примчало к нам. Может, сороки на хвосте принесли, может, ветром из заморских стран надуло, а то кто-нибудь из наших шутников решил народ позабавить да и сочинил такую небывальщину. А скорее всего,

приснилось всё это мне, а я по старости лет и забыл про тот случай. Честно сознаюсь, в последнее время по ночам всякая чепуха в голову лезет. Лежу иногда и думаю, то ли во сне всю эту дребедень видел, то ли наяву когда-то со мной происходило. Думаю-думаю, да махну рукой: «Шут с ней с этой историей, была – хорошо, не было – и так ладно».

* * *

А началось всё с того, что в том государстве, откуда берёт начало наша сказка, умер царь. Вроде бы и не старик ещё, здоровым был, крепким, правил по совести, народ не притеснял, министров своих уважал, жену любил. С каждым днём государство богатело, становилось крепче: нивы дарили небывалые урожаи, скот давал вдоволь молока и мяса, женщины не уставали рожать детей. Мужики по первому зову царя становились под ружьё и жизнью

своих не жалели, чтобы защитить отечество и своего любимого государя.

Но не всем это нравилось. Многие правители-соседи завидовали царю и при всяком случае старались насолить, то есть, попросту говоря, пакость подстроить. То какую-нибудь ведьму наймут, чтобы она на это царство порчу наслала, то разбойников пошлют туда, чтобы в стране смуты устраивать.

Как бы там ни было, но на престол после смерти отца сел сын. Обрадовались завистливые соседи. «С молодым-то да не опытным царём, — думали они, — мы как-нибудь теперь управимся, правдами или неправдами заберём его царство». Но не всё так просто. Царь хоть и молодой, но башковитый, весь в отца, пошёл по жизни по стопам родителя — след в след. Правит справедливо, сам хорошо живёт и людей не обижает. Ну а те погоревали о смерти прежнего

правителя и вскоре успокоились. Чего же слёзы лить, если новый царь-государь не хуже усопшего.

Живут люди дальше, радуются: хлеба у них вдоволь, молока и мяса тоже, пчёлы мёд носят, деревья плоды дарят, на праздники вино рекой льётся.

А тут у народа новая радость: царица наследника рожать надумала. Каждый близкий или далёкий человек понимал, что рождение сына станет праздником не на один день, а, может, и не на одну неделю.

И вот долгожданный день наступил. Царицу в опочивальню увели, старух повитух со всего царства собрали, мамки-няньки в ряд выстроились, готовые ребёнка на руки принять, царь по палатам ходит, волнуется, ждёт наследника. Надоест ждать, подойдёт к двери, за которой царица с повитухами находится, спросит через дверь:

– Не родила ещё?

А ему из-за двери кто-нибудь ответит:

— Нет, батюшка, пока не родила, видно, богатырь будет. Подожди, милостивец.

До полуночи сидел царь, ждал, не знал, куда деть себя. А вот соседи-злыдни знали, чем его распотешить. Собрали они войско, да и двинулись на царёво государство. «Царю, — решили они, — сейчас не до нас, жену оберегает, наследника ждёт, к пиру готовится, а мы его тёмной ночью и потреплем, как собака зайца». Вроде бы всё правильно они рассчитали: царь занят, ночь тёмная — трудно разглядеть врага, ветер свищет, гром гремит — трудно услышать поступь захватчиков, дождь как из ведра льёт — сторожевые псы не унюхают.

И всё же дозорные заметили их, вступили в неравный бой, послали к царю за помощью. Не дождался царь рождения сына, кликнул своих воев, вскочил в седло, быстрее ветра

помчался на поле боя. Ох и жестокая то была сеча! Всю ночь рубили друг друга противники, никто не хотел уступить. День настал, а битва продолжилась. Много воинов погибло, но ещё больше подоспело с обеих сторон.

Ближе к утру разрешилась царица от бремени, родился, как и ожидали, сын. Только радости это никому не доставило, потому что после тяжких мук и долгого ожидания появился на свет не богатырь, о котором мечтали царь с царицей и все добрые люди, а маленький горбатый карлик. Увидели его бабки-повитухи и в страхе на пол попадали. А по дворцу недобрые слухи поползли. Все узнали про царёво горе, но ему ни одна живая душа об этом не сказала. Доложили только, что сын у него родился, наследник. Хотел было царь домой наведаться, да ратные дела не отпустили. Лезут и лезут враги с

разных сторон. Победить их сил нет, но и отступить некуда.

Так пролетали день за днём, год за годом. Со страхом ждёт мужа царица, боится, что упрекнёт её, не признает сына. А тот уже вырос, вернее, повзрослел, ведёт себя как взрослый, а ростом, как говорится, от горшка два вершка. Как ума набрался, пристал к матери:

– Скажи, матушка, где мой отец?

– На войне, сынок.

– А почему он домой не едет?

– Врагов много, никак их побить не может.

В другой раз спрашивает у матери:

– А отец у меня такой же маленький как я?

Заплакала царица:

– Нет, сынок, отец у тебя богатырь: ростом до потолка, в плечах косая сажень, ухватится за дерево – с корнем вывет, ударит кулаком

камень — тот в пыль рассыпается, крикнет во всю мочь — реки из берегов выходят. И ты должен был богатырём родиться, но какая-то злая сила заколдовала тебя и нет тебе ни роста, ни силы.

— Не горюй, матушка, роста нет, силы мало — это плохо, зато голова на плечах есть. Отыщу я того злыдня, что на тебя порчу напустил.

— Ох, сынок, и не думай об этом, где же тебе справиться с лиходеями.

— Справлюсь, ты только вспомни, в ту ночь, когда ты рожала меня, были у нас во дворце или во дворе чужие люди.

— Не было, мне бы доложили, да и отец не допустил бы этого. А на улице ветер выл, гром гремел, дождь в окна стучал, вороны, как всегда, ссорились друг с другом.

— Вот у них я всё и разузнаю. Собери меня в дорогу и напутствуй

добрыми словами.

Наутро, едва солнце протёрло глаза, отправился карлик в путь. Мать, конечно, погоревала, но потом решила, что пусть попытает своё счастье. Чем жить таким уродцем, лучше и вовсе умереть.

А карлик тем временем шёл и шёл, пока не повстречал мужичка.

– Здравствуй, добрый человек, – сказал он, – может быть, ты знаешь, где ветер сыскать?

– А зачем он тебе?

– Спросить хочу.

– Что ж, спрашивай, я и есть ветер.

– Ну, если так, то скажи, помнишь ли ты ночь, в которую царица дитя рожала?

– А как же, ночь тёмная была, тучи всё небо закрыли, дождь как сумасшедший в окна стучался.

– А ты случайно не видел каких-либо супостатов, что на царицу порчу наслали?

– Не видел, не до этого мне было, я тучи гонял, работа у меня такая. Может, дождь кого-нибудь заметил.

– Спасибо, пойду дождь искать.

– А зачем искать, сейчас я его пригоню сюда.

И он принялся дуть всё сильнее и сильнее. Пыль поднялась до неба, деревья пригнулись к земле, а из-за дальних гор показались грозовые тучи. Последний раз дунул ветер, и первые капли дождя застучали по земле.

– Вот тебе и дождь. Можешь спрашивать у него.

– Дождь дорогой, помоги мне. Помнишь ли ты ночь, когда царица рожала?

– Конечно, помню.

– А ты никаких супостатов не видел? Они на царицу порчу наслали.

– Темно было, я немного постучал в окна, но на мой стук никто

не ответил, а потому я занялся делом, стал поливать огороды, поля, деревья. А ещё пыль прибил, которую поднял ветер. Работа у меня такая. А может быть, вороны знают. Они целой стаей на деревьях сидели. Ветер пытался сдуть их, я вымочить, но они только хохлились, каркали, а сами – ни с места.

– Спасибо вам на добром слове. Пойду тех ворон искать.

– Да что их искать. Они вон, посмотри, сами сюда летят.

– Эй, вороны, – закричал ветер, – летите сюда, надо человеку помочь.

Услышали его вороны, сделали круг над поляной, где стояли наши герои, и опустились на ближайшие деревья.

– Спрашивай вон того большого ворона, он у них самый главный.

– Добрый ворон, помоги мне. Не помнишь ли ты ночь, когда царица рожала?

– Помню.

– А не видел ли ты что-нибудь необычное во дворе?

– Я не видел, ветер с ветки сдувал, дождь как сумасшедший хлестал, надо было о себе побеспокоиться. Все силы потратил, хорошо, что с дерева не сдуло и не смыло. Но ты не спеши отчаиваться, я сейчас у всей стаи спрошу.

Каркнул ворон, загалдели его собратья, и уже через минуту стало ясно, что и вороны никого не видели.

Загрустил царевич, опустил голову и поплёлся умываясь слезами домой. Ветер и Дождь только и успели ему вслед крикнуть:

– Ты уж прости нас, царевич, что не помогли тебе ничем, но никто не ведает, что завтра будет

Не успел карлик и десять шагов пройти, как к нему подлетел маленький захудаленький вороненок. Он опустил на плечо и прямо в ухо громко крикнул:

– Старики-то не усмотрели, а я всё видел.

– Говори скорее, что же ты видел? – заторопил его карлик.

– Я многое видел, – заважничал воронёнок, – видел, например, что в ту ночь под окнами, где была царица, чёрный кот торчал.

– Эх, воронёнок, не того ты видел. Это же наш дворовый кот, он до сих пор у нас во дворе живёт.

– Может быть, и так, – разочарованно протянул воронёнок. – Но ты всё-таки попытайся поговорить с ним. Вдруг он кого-нибудь видел.

Вернулся домой карлик. Мать, конечно же, обрадовалась, стала расспрашивать его о том да о сём. Сын ей всё рассказал, но о коте умолчал. Решил сам с ним по душам поговорить.

Позвал его в свою комнату, посадил на колени, гладит по голове, тот мурлычет, а карлик тихонько

подпевает ему. Долго сидели так, а потом карлик спрашивает:

— А скажи-ка мне, Мурлыка, был ли ты во дворе, когда моя мать рожала?

— Был, мур-мур.

— А кого ты видал там, скажи, пожалуйста?

— Ночь видел, ветер с дождём да ворон на деревьях.

— И всё? — чуть не заплакал карлик.

— И всё, больше никого не видел, но слышать слышал.

— Мурлыка милый, не тяни кота за хвост, говори скорее, что ты там слышал.

— Сначала я услышал чей-то противный смех. Я подумал, что он идёт из окна, где рожала царица. Я поэтому и подался туда. Постоял под окном, нет, смех не оттуда доносился. Я ещё постоял и вот в тот миг, когда родился ты, кто-то шёпотом сказал: «Родился урод, всю жизнь уродом

проживёт, — и засмеялся. А потом добавил, — если, конечно, не умрёт».

— Значит так, — стукнув кулаком себя по коленке, воскликнул царевич, — жить уродцем всю жизнь не собираюсь, лучше уж сразу умереть. Матушка, — закричал он, — собирай меня, я к бабушке на войну поеду.

— Сыночек миленький, ну куда же ты поедешь, какой из тебя вояка. Ты же ростом три вершка, любой враг нечаянно наступит на тебя и раздавит, даже не заметит этого.

— Всё равно собирай, — стал настаивать сын, — я дома ни за что не останусь.

Заплакала мать, закручинилась:

— Да на чём же ты поедешь? У нас дома ни одного коня не осталось, все на войне.

— А я в стойле ослика видел, вот на нём и поеду.

— У нас и оружия боевого нет, всё воины отцовы на войну унесли.

– А я большой нож из кухни возьму.

– А с кем же я тебя на чужбину отправлю. Во всём царстве ни одного мужика не осталось, все с батюшкой твоим врага воюют.

– А я с собой Мурлыку возьму и воронёнка, вон того, что в окошко к нам заглядывает.

Погоревала мать, но сына всё-таки собрала, слово мужчины в их царстве всегда было последним.

Рано утром отправилась эта троица искать царя-батюшку. Долго они мотались по белому свету, сами дорогу не знали, и спросить не у кого. Наконец выбились из сил, сели на обочине горной дорожки и заплакали. И кот плачет, и воронёнок, но сильнее всех карлик-царевич. Обидно ему, что все силы растратил, ноги избил, а до батюшки добраться не сумел, хотел помочь да не получилось.

К вечеру, правда, все немного успокоились и остались здесь

ночевать. Наступила ночь, легли друзья на травку и уснули, посапывают помаленьку да сны смотрят. И только кот Мурлыка не спит, хоть и сопит в две дырочки, а сам к любому шороху прислушивается. Ночью, как вы знаете, любой звук за версту слышен. Вдруг почудилось ему, что неподалёку кто-то разговаривает. Прислушался, верно, чей-то шёпот и голос знакомый:

— Молодец, брат, что дорогу ему запутываешь. Нельзя, чтобы он к отцу пришёл. Много дел может там натворить, если только узнает, как это сделать.

— Я и завтра ему вредить буду. С утра направлю по правой дороге, которая приведёт его домой к матушке. А левую — засыплю камнями и буреломом, по ней и добрый молодец не проедет. Пусть уж наш царевич дома сидит, отца дожидается. А ждать, я думаю,

долгонько придётся, победить врага у царя сил не хватает, а взять их неоткуда.

Засмеялись говорившие, и тут кот Мурлыка сообразил, что это те самые голоса, которые он слышал в ночь, когда родился царевич. И смех у них был не громкий, но такой же противный, как и в тот раз.

Проснулись друзья на следующее утро рано, стали думать куда идти. Карлик говорит, что надо направо, потому что там дорога лучше, значит, по ней люди ходят, а левая дорога камнями да буреломом засыпана, по ней никто не пройдёт. Ослик и воронёнок согласны с ним, а кот Мурлыка не соглашается.

— Нет, — говорит он, — надо налево идти, там наш царь войну ведёт.

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю и всё тут.

Хоть и с трудом, но согласились друзья с котом и пошли

налево. Трудно им было по камням карабкаться, через поваленные деревья перелезать, но выдержали они эти испытания и выбрались, в конце концов, на хорошую дорогу. Сели передохнуть, а воронёнок полетел на разведку. Недолго летал он, через минуту-другую вернулся и доложил:

– Видел я впереди широкое поле, стоят на нём наши воины, все в белых доспехах, а во главе царь наш, отец твой, царевич. А напротив их стоят враги наши в чёрных доспехах. Видно, что и те и другие воины устали, ни у кого сил не осталось, победить не могут и уйти нельзя.

– Ой, молодец, воронёнок, быть тебе главой вороньей стаи, птичьим царём, а мне спешить надо, отцу помочь.

Стоит белое воинство, думу думает, как с врагом справиться, где силы взять для победы. Вдруг видит, откуда ни возьмись, выскочил вперёд маленький карлик на сереньком

ослике, вытащил из-за пазухи большой кухонный нож, размахивает им как настоящим мечом и мчит прямо на вражеское войско. А чёрное войско не видит карлика, им кажется, что скачет на них могучий богатырь, высокий как дерево, могучий как скала, врезался он в их строй и начал рубить повинные головы: влево махнёт сто голов на полу, направо – и того больше. Испугались разбойники, дрогнули и побежали. А тут и белое воинство очнулось и тоже напало на противника. Хотел Главный разбойник остановить убегающих вояк, но те не послушали его. С досады вложил он самую большую стрелу в свой лук и пустил её прямо в сердце богатыря. Радостно запела тетива, рванулась стрела вперёд, но долететь до цели не смогла, неожиданно налетел ветер, дунул с такой силой, что стрела улетела далеко-далеко в небо выше облаков почти к самому солнцу.

Вскоре затихло сражение. Ни один вражеский воин не ушёл от возмездия. Радуются победители, целуются, обнимаются, песни поют. Царь тоже радуется, наконец-то он жену увидит, сына обнимет, к груди прижмёт. Подошёл он к карлику:

– Спасибо тебе, сынок, крепко ты нас выручил. И как же ты такой маленький, слабенький сумел огромное войско победить?

– А это, царь, не так уж и трудно, побеждают ведь не силой а отвагой.

– Ты не только смелый, но и очень умный, сынок.

– Спасибо, царь, но почему ты всё время называешь меня сынком?

– Потому, мой друг, что я очень бы хотел иметь такого сына.

– Что ж, царь, если это правда, то можешь обнять меня, я – твой сын, а ты – мой отец.

Тут он и рассказал отцу всё, что произошло дома в его отсутствие.

Заплакал царь от счастья, только хотел обнять и прижать к груди сына, как вернувшаяся с небес стрела довершила своё коварное дело: ударила карлика, в грудь пробила её насквозь, пройдя калёным железом сквозь доброе и бесстрашное сердце. Не успел он и ойкнуть, как душа уже вылетела из тела.

Горько-горько зарыдал царь, закручинились и все его воины, стали утешать царя, да куда там, разве можно в таком горе утешить человека. День прошёл в трауре, второй, на третий день, по обычаю той страны, следовало предать тело героя земле, на которой он и погиб, защищая родину. Вот уже и могилу вырыли, и к помину всё приготовили, но царь всё откладывает момент похорон, не хочет с сыном прощаться. А тут как раз к нему кот Мурлыка подкрался, трётся о его ноги и на руки просится. Хотел царь прогнать кота, но вспомнил о доме, о жене, подумал

о сыне, взял его на руки, погладил по спинке, тот замурлыкал, а потом тихонечко сказал царю да так, чтобы никто больше не слышал:

– Не хорони, царь, царевича, пусть ещё полежит.

– Не даст это ничего. С того света не возвращаются.

– Это как сказать. Но про твоего сына я знаю больше, чем ты. Когда он родился, я слышал, как говорил колдун, превративший его в карлика: «Родился урод, всю жизнь уродом проживёт, – а потом добавил, – если, конечно, не умрёт».

Подумал царь, подумал и отдал приказ, возвращаться домой, а похороны сына отменить. На недоумённые вопросы войска он твёрдо ответил, что сын его не был воином, а значит, хоронить его следует по гражданским обычаям, то есть дома. Одобрив решение, дружно пошагали домой. А царевича завернули в кошму,

погрузили на спину ослика и отправили за ними вслед.

Долго-нет ли добирались победители до своих семей, не знаю, но вернулись на родину все. Прибыл и царь в свою вотчину, спешился, снял со спины ослика печальный груз — завёрнутое в кошму тельце сына — занёс его во дворец и положил на стол. Набежали тут мамки, няньки, слуги да прислужницы, вбежала мать-царица — все поняли, что это за свёрток на столе. Поднялся тут плач и крик, потекли горячие слёзы, а царица упала в обморок и долго не приходила в себя. А когда пришла, попросила:

— Откройте свёрток, дайте хоть взглянуть на сыночка.

Подбежал какой-то служка, разрезал верёвки, которыми был войлок обвязан, раскрыл его и оторопел от неожиданности.

— Смотрите, смотрите, — закричал он, — смотрите на чудо.

Кинулись все к столу и разом застыли от изумления: на нём лежал не карлик, как можно было бы подумать, а маленький крепенький мальчик неописуемой красоты, который размахивал ручками, брыкался ножками, смотрел по сторонам и довольно гулил.

Обрадовалась царица, подхватила его на руки, целует, плачет от радости:

– Сыночек, сыночка, вернулся, никому тебя не отдам.

Царь тоже глазам не верит и тоже заплакал от радости, заплакали и все дворовые люди.

А когда проплакались, протёрли глаза, глянули, а младенца-то и нет уже, а стоит рядом с родителями – царём и царицей – молодой богатырь: ростом в отца, красотой – в мать. Смотрит вокруг, улыбается. Обнял он родителей:

– Что ж, дорогие мои, объявляйте всему миру, что у вас сын

родился, который никому не позволит обидеть ни вас, ни страну нашу, ни народ.

Обрадовался царь и по такому случаю пир устроил, на котором все добрые люди нашли для себя привет и угощение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Рассказы из 1 «а» класса

Предисловие	6
В первый класс	8
Пятёрка	14
Буква «О»	21
Не я шкаф сломала	27
Шишки и вишенки	29
На ёлке	35
Шапка	44

Рассказы из 2 «а» класса

Чашка	53
Древний мир	59
Кто самый скромный	65
Подорожник	68
Дядя Володя	72

Рассказы из 3 «а» класса

Жалоба	80
Димкин талант	86
Заяц Тоська	95
Прыжок в длину	104

Сено для коровы	112
Скорпион	122
Песня про маршала	132

Рассказы из 4 «а» класса

Книга	138
Денежка	145
Молдаванеска	150

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Рассказы

Дед	163
Черепаша	168
Котёнок	172

Сказки

Старик и Смерть	189
Гусь, свинья и лягушка	197
Карлик	205